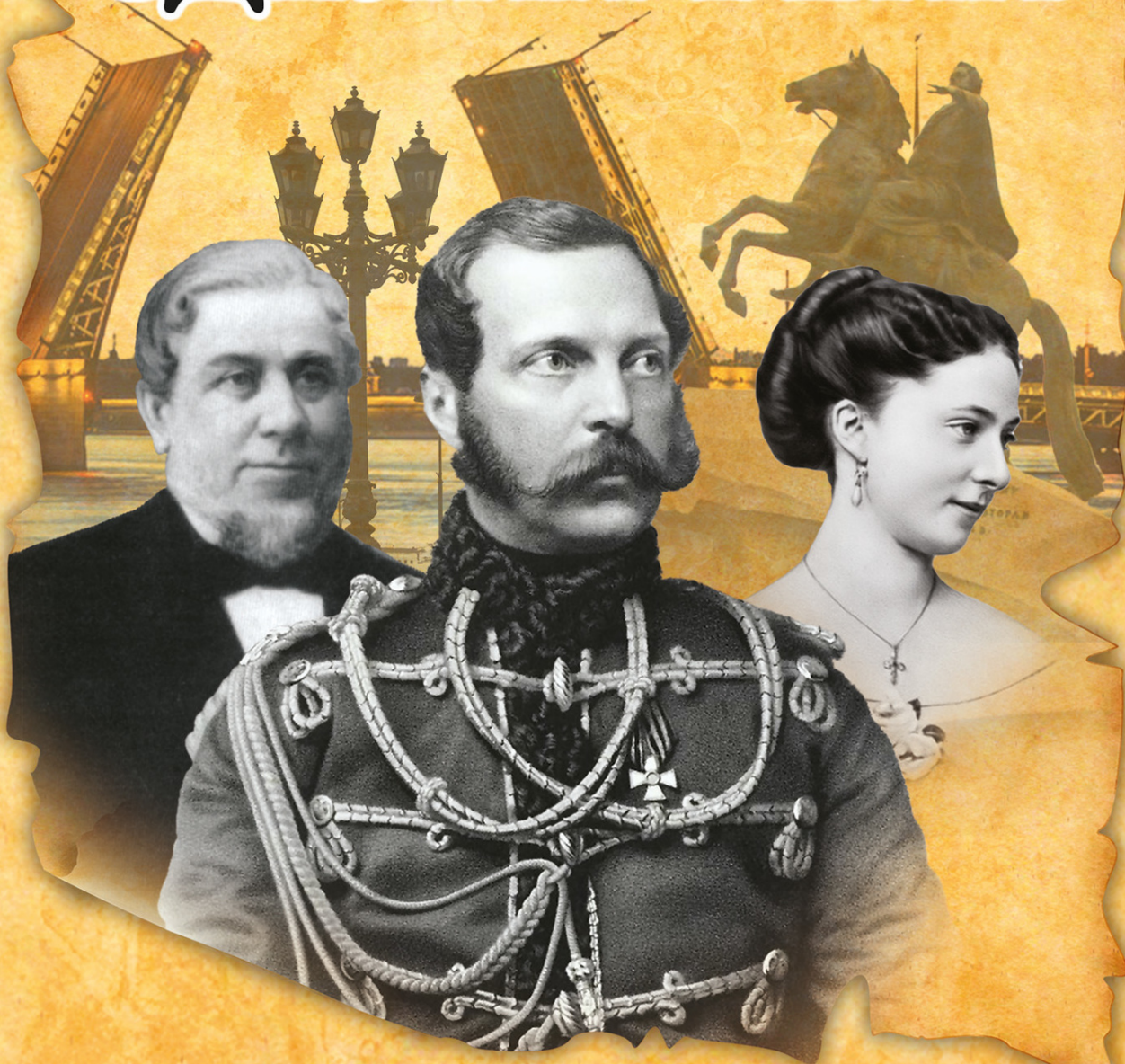

СЕРГЕЙ БОГАЧЕВ

**АЛЯСКА – КРЫМ:
СДЕЛКА ВЕКА**

Сергей Богачев

Аляска – Крым: сделка века

«Алгоритм»

2019

УДК 82-84
ББК 84.3

Богачев С. В.

Аляска – Крым: сделка века / С. В. Богачев — «Алгоритм», 2019

ISBN 978-5-907149-65-6

После поражения в Крымской войне Россия встала перед необходимостью строительства железных дорог, возрождения военного флота на Черном море... Продажа Аляски, запуск металлургического завода «Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производства» должны были ускорить восстановление страны. Однако не все державы могут смириться с такой перспективой, которая гарантирует процветание России. На строительстве железных дорог в Ростов и Севастополь, при первой плавке под руководством Джона Хьюза начинают происходить странные дела. Расследовать череду непонятных событий поручено адъютанту Великого князя Константина Николаевича Романова капитану второго ранга Лузгину.

УДК 82-84

ББК 84.3

ISBN 978-5-907149-65-6

© Богачев С. В., 2019

© Алгоритм, 2019

Содержание

Глава I	6
Глава II	9
Глава III	16
Глава IV	21
Глава V	26
Глава VI	33
Глава VII	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Богачев
Аляска – Крым: сделка века

© Богачев С., 2019

* * *

Глава I

18 февраля 1855 г. Зимний дворец. Санкт-Петербург.

Казалось, даже придворные и высокопоставленные чиновники в этот день передвигались по просторным залам и коридорам дворца подобно теньям – беззвучно, без малейшего шороха, а что уж там говорить о лакеях – у тех это умение в крови.

Дворецкие и камердинеры безмолвно, с озабоченным видом сновали теми же коридорами, выполняя поручения, известные только им самим и тем, кто их дал.

Дневной свет, яркость которого усиливалась выпавшим за ночь снегом, подчёркивал изысканность внутренней отделки императорского дворца, проникая сквозь громадные окна в каждый угол и вместе с тем беспощадно отражал мертвенную бледность на лицах ограниченного круга присутствующих, собравшихся в небольшой угловой комнате первого этажа Зимнего дворца, ставшей центром сегодняшних событий.

Царское семейство, лейб-медик Мандт с коллегами и граф Павел Дмитриевич Киселёв с самого утра, иногда ненадолго удаляясь в коридор, чтобы позволить себе в одиночестве дать выход своей скорби, не оставляли надежд на благой исход скоротечной болезни Государя Николая Павловича¹, однако, даже неискушенному в медицинских знаниях человеку уже было понятно, что это скорее упование на чудо.

Уже будучи больным гриппом, Император посчитал нужным лично проводить своих солдат на театр боевых действий в Крыму. В лютый мороз лейб-гвардии Преображенский, Измайловский и Егерский полки в Экзерциргаузе² имели честь наблюдать своего главнокомандующего в парадном мундире и без шинели. Газа его горели, речи соответствовали моменту – лучшие воины России отбывали на фронт для спасения Севастополя.

– Государь, это хуже, чем смерть. Это самоубийство! – лейб-медик Мандт пытался воззвать царя к благоразумию, но и без того раздраженный вестями с фронта, монарх лишь отмахнулся от доктора, как от назойливой мухи. Сейчас от него, от Императора, зависит боевой дух русских полков, отправлявшихся на главную баталию его жизни, а немец всё бежит вокруг, да страшит болезнью.

Полки ушли и Государь слёг окончательно. Управление государственными делами было возложено на Наследника. Ему же адресовались военные сводки и штабные донесения. С того дня ожидание личного доклада придворных медиков о состоянии Самодержца стало ежедневной тревогой всех членов его семьи – в бюллетенях правды не писали, дабы не вводить подданных в сумятицу.

Появление на первом этаже дворца перед царскими покоями митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского, Эстляндского и Финляндского Никона вызвало сдержанный шепот придворных, окончательно удостоверившихся в том, что их худшие опасения сбываются. Владыка прибыл для причащения Императора.

Металлическая койка, на которой монарх, накрытый шинелью, доживал свои последние часы, стояла между креслом и камином, под портретом покойной его дочери Александры. Интерьер этого помещения целиком соответствовал аскетичному характеру хозяина – никакой роскоши и любимые истоптанные туфли возле кресла.

– Сын мой, дай руку... – Государь пришел в себя после очередного приступа удушья, причинявшего ему тяжёлые страдания.

С десяти часов утра он уже не мог разговаривать и впал в беспамятство, посему слова эти стали неожиданностью – Самодержец произнёс их, не открывая глаз.

Великий князь Александр Николаевич, пройдя сквозь расступившихся своих родственников – членов семьи Романовых, преклонил колено перед солдатской койкой и взял отцов-

---

¹ Николай I.

² Михайловский манеж.

скую руку в свою. Будущий правитель Российской империи ощутил в своих ладонях холод – могучий некогда организм его отца, угнетаемый инфекцией и трагическими событиями Крымской войны, уже не имел сил сопротивляться.

– Я здесь... – почти шепотом произнёс Великий князь, но больной его услышал.

– Прошу тебя... Не в лучшем виде оставляю тебе своё наследие... Ты сможешь... Ты должен... Держи крепко...

Глаза Государя так и не открылись – каждое слово он произносил через силу, сопротивляясь горячке и с трудом находя в пораженных воспалением лёгких воздух. Следующие слова его были уже неразличимы из-за хрипа.

– Владыка, пришло время... – императрица Александра Фёдоровна, урождённая принцесса Гогенцоллерн, полная прусского достоинства и русской воли, подавила в себе слёзы, выровняла спину, как подобает супруге Императора и жестом пригласила митрополита пройти к койке умирающего мужа...

Глава II

27 августа 1855 г. Севастополь.

– Бомба! – крик часового заставил пригнуться всех на батарее – и офицеров, и службу орудий.

Последние сутки артиллеристы отбивали эти поклоны несколько раз в минуту – бомбардировка сил союзников не прекращалась уже много часов. На южной стороне над оборонительной линией русских войск в воздухе рвались заряды, оставляя после себя серые облака дыма в небе и стонущих, искалеченных и израненных защитников Севастополя на земле.

– Вашблагородь, ты как? – канонир Сухомлин с брига «Язон» сбил с кителя артиллерийского подпоручика Толстого землю, обильно просыпавшуюся из разбитого осколками тура³.

– Нормально, Иван Семёныч! Сам-то пригнись! – подпоручик собрал на своей батарее всех уцелевших, чтобы оставшиеся целыми три из пяти орудий могли огрызаться в сторону англо-французских войск. – Заряжай! – громко скомандовал двадцатисемилетний артиллерист.

– Есть! – по очереди доложили расчёты.

Сегодня было не до церемоний: моряки, считавшие всегда себя отдельной кастой и свысока иногда глядевшие в сторону пехотных мундиров, показывали образцовую сноровку и чудеса храбрости наравне со своими сухопутными братьями. Можно было подумать, что остервенение, с которым они дрались, стало мстостью за то, что сами они спешили, а корабли их затопленные собой закрыли для вражеской эскадры вход в бухту Севастополя.

– Пли! – три громких хлопка на фоне общей канонады оповестили о том, что Янззовский форт жив, упирается и бьётся.

– Есть! Уложили! – наблюдатель победно крикнул, махнул рукой в сторону находящихся сзади своих сослуживцев и тут же обмяк, ужаленный пулей, прорвавшейся сквозь изрешечённый щит из корабельных канатов. Одним защитником Севастополя стало меньше, но оплакивать смерть товарища было некогда. Тело моряка оттащили от орудия и перенесли в окоп – рваная рана на горле не оставляла морячку шансов повидать родных.

Четвёртый бастион даже среди отчаянных вояк считался местом не самым удачливым. Вся мощь вражеской артиллерии казалось, была сконцентрирована именно здесь – углом выступая в сторону французов, четвёртый нещадно поливал огнём всех своих стволов окопавшиеся внизу неприятельские войска, нанося им ежедневно гигантский урон. Ценой этого главенствующего положения на высотах были сотни жизней в день.

– Заряжай! – очередной залп батареи Толстого добавил настроения и соседним батареям – отстреливаются братки – значит, стоим, держимся.

– Николаич, неуж-то полезут, а? – Сухомлин вытер пот со лба и хитро прищурился, примыкая штык.

– Непременно, мичман! Непременно полезут! А мы им, что?

– А мы им всыпем, Вашблагородь! – отрапортовал канонир, втягивая шею после очередного хлопка за бруствером.

Артиллерийский подпоручик Лев Николаевич Толстой на четвёртом бастионе стал уже давно своим – еще весной его 3-я лёгкая батарея 11-й артиллерийской бригады получила предписание прибыть в Севастополь. Квартирмейстер Толстой заранее прискакал в город для выполнения служебных поручений и первым из своих однополчан получил исчерпывающее представление о том, как отличается военная действительность от бравурных журнальных статей и геройских рассказов демобилизованных по ранению офицеров в обществе юных барышень с бантами на шляпках.

---

³ Плетеная корзина, наполненная землёй.

О том, как мужики делили под непрерывными бомбёжками с дворянами блиндажи, а потом помирали вместе с ними от боли на соседних койках в гошпитале, в газетах не писали. О том, каким запахом несёт из операционной, где падающие от усталости хирурги сотнями в день ампутируют конечности, нельзя было рассказать никакими эпитетами, как и описать выражения лиц медицинских сестёр, просыпавшихся и валившихся с ног от усталости под стоны и крики изуродованных осколками солдат.

После всего увиденного у подпоручика и его артиллеристов, как и у всей линии обороны, имелось только одно желание – «всыпать» как следует и англичанам, и французам, и примкнувшим к ним сардинцам, от чего дрались они еще злее и яростнее, осыпая ядрами всё ближе подбиравшегося своими траншеями врага. И в порыве этом они гибли, калечились, прибавляя работы хирургам Пирогова на Южной стороне. Это был замкнутый круг.

– А Малахов – то, пуще нашего утуют... – Сухомлин достал трубочку и раскурил, прислушиваясь к канонаде слева от четвёртого бастиона.

Звуки, доносящиеся оттуда, с Малахова кургана, слились в единый, монотонный гул разрывов и пушечной пальбы. Такой шум издаёт фейерверк в последней своей стадии, когда требуется закончить праздник на мажорной ноте и оставить у гостей неизгладимое впечатление – грохот хлопков, облака дыма и непрерывающийся поток света.

– Не сладко там сейчас, да... И отстреливаются всё реже... – заметил подпоручик, вглядываясь в густое облако пороховых газов, накрывшее собой позиции защитников на вершине кургана.

– Ты глянь-ка... замолкли... – заметил Сухомлин спустя минут десять после полудня.

Подпоручик Толстой, аккуратно расположившись между турами, вглядывался в бинокль на подножие Малахова кургана, до которого по прямой от их батареи было не более, чем две с половиной версты⁴. Во вражеских окопах отчётливо наблюдалось необычное движение – французы группировались в боевые порядки, впереди которых появилось трёхцветное знамя.

Часовой, тоже следивший за французами у подножья четвёртого редута, чертыхнулся, упомянул грешным словом чью-то матушку и ринулся к орудиям:

– Штурм! Штурм!

– Картечью! Заря... жай! – подпоручик Толстой не стал ждать общей команды. Его пушки заговорили первыми.

... К вечеру, когда жаркое августовское солнце уже уходило за далёкую и невидимую линию, где небо сливается с морем, поле боя, покрытое коричневой, пропитанной кровью грязью, по всей линии обороны было усеяно трупами.

Синие мундиры откатились вниз, оставив перед брустверами несчетное количество погибших и смертельно раненых – редкие стоны пробивались сквозь груды тел, заполнивших траншеи и подходы к оборонительным сооружениям.

Вестовой прошёл по редутам и батареям, отыскав командира или того, кто принял командование вместо погибшего офицера, довёл до сведения приказ командующего.

– Что, вашблагородь?... – выжившие артиллеристы вопросительно смотрели на своего подпоручика, весь вид которого выражал недоумение и озабоченность.

– Получен приказ отходить ночью на Северную... Малахов курган пал...

Сухомлин сорвал бескозырку и рукой, перемотанной бинтами, бросил её оземь, забыв напрочь о своей ране. Мичман взвыл не столько от боли в руке, которую чудом не оторвало, а только прошило осколками, сколько от досады и злости:

– Для чего?! Пошто стояли?! Одиннадцать месяцев! От «Язона» остался только колокол да я! Все полегли! Для чего, я тебя спрашиваю, ваш благородь?

---

⁴ 1 верста – 1066,8 м.

Ещё секунда, и полный ярости Сухомлин ухватил бы Тостого за лацканы мундира, но мичман опомнился, уразумев, что артиллерийский подпоручик этого приказа не давал и сам сейчас не имеет ответа на его вопросы.

– Лев Николаич, Малахов пал, там всех перебили, но мы-то живы! Мы-то не отступили! И никто не отступил... Для чего гибли-то?!

– Не бывает смерти для чего-то. Она бывает только во имя – отвечал Толстой мичману. – И у каждого это имя своё. Из многообразия этих имён складывается воля полков, смысл их общей жертвы.

Сухомлин пристально глянул в глаза графа, желваки его ходили, и припорошенные пылью густые брови нависли над колкими маленькими глазами:

– Ты, вашблагородь... Много умных слов знаешь... Костромские мы. Такому не обучены. Не ответил ты мне, зачем экипаж мой тут полёг. Остаюсь я. Моё имя – «Язон».

Весь путь до Александровской батареи подпоручик Толстой проделал молча. У него не было ответа на простой вопрос мичмана Сухомлина. Он не понимал, почему костромской мужик, волей случая и рекрутёров ставший военным моряком, этим самым вопросом вогнал его в ступор и заставил чувствовать себя виноватым за это поражение. А главное, чем терзался подпоручик – это понимание бессмысленности всех этих жертв. Почти год. Войско на войско. Батальон на батальон. Батарея на батарею. Действительно, зачем?

«Каждый день убирать из войска по одному солдату. Ведь это во власти главнокомандующих... Настанет день, когда на поле боя останутся двое. И сколько жизней можно было спасти...» – спускаясь к морю, граф искал для себя правду, которая располагалась где-то между долгом и человеколюбием.

– Поберегись! – шальной всадник, скорее всего – гонец из штаба зачем-то прорывался против потока отступающих по мосту войск на Южную сторону. По всей видимости, оставались ещё какие-то приказы, не доставленные на линию обороны.

Связанные между собой плоты, заякорённые в одну линию, приказал установить между Константиновской и Александровской батареями генерал-лейтенант Бухмейер. За пару недель до отступления понтонный мост длиной 450 саженей⁵ через Большую бухту связал Северную и Южные стороны. Со стороны моря вдоль моста были затоплены в ряд корабли Черноморского флота. Бухта надёжно была закрыта от вторжения флота интервентов, но всё же, находилась в пределах досягаемости их корабельных пушек. Константиновская батарея, державшая пол прицелом рейд Севастополя, огрызаясь пушечным огнём, отгоняла флот союзников, но редкие ядра всё же до переправы долетали.

«Откуда они???» – удивлённо подумал подпоручик, отвлёкшись от своих тяжких мыслей и обратив внимание на гражданских, сбившихся в кучу вместе со своими повозками и скудными пожитками возле входа на переправу. Дородного вида баба с повязанным на голове красным платком зычным голосом орала на часового, стоявшего на входе в мост. Солдатик с ружьём ничего не мог противопоставить женщине, за спиной которой стояли несколько мужичков в потрёпанных картузах. На первый взгляд невозможно было определить, чья это жена – они одновременно кивали головами в такт её эмоциональным взрывам, а часовой только растерянно оправдывался, мол, приказ и он не может послушаться офицера.

«Зови своего офицера!» – надрывалась женщина, набрав своей большой грудью как можно больше воздуха.

Над переправой, на холмах южной стороны раздались подряд два мощнейших взрыва. Место их определить можно было только по зареву, осветившему акваторию бухты. Наверное, пороховые погреба были единственными уцелевшими строениями на этой части города, и то, благодаря своей скрытости от огня противника. Больше ни одного целого дома там не осталось,

---

⁵ Сажень = 2,16 м. 450 саженей = 972 м.

тем более неестественным выглядело появление мирных жителей среди отступающих войск. Где они прятались? Зачем? Почему не ушли хотя бы во время штурма на другую сторону? Воистину, не исследована душа человеческая, её привязанности и странности...

– Где старший переправы? – спросил подпоручик Толстой караульного и этот его вопрос заставил женщину хоть на мгновение замолчать.

– Не могу знать, Ваше благородие! – отрапортовал солдат. – Может на ту сторону подался, почём мне знать?

– Под мою ответственность, приказываю пропустить эти три повозки! – граф, не отводя взгляда от опешившего солдата, указал рукой назад, где почти на самом краю набережной, теснимые военными подводами, стояли три арбы с несколькими тюками пожитков этих семей.

– Никак нет, ваше благородие! У меня начальство и приказ! Давай, не стопори! Чего рот разинул, земля! Давай, веселее! – возле входа на мост образовалась пробка из-за остановившегося на минуту движения – в воду недалеко от переправы упали два ядра, причинив ранения нескольким возницам и морякам.

– Подпоручик Толстой! Третья лёгкая батарея! Приказам офицера подчиниться обязан! Фамилия?! – граф не ожидал от себя такой громкости голоса после всех тех упаднических мыслей, что он передумал, спускаясь к бухте. Скорее всего, безнадёжность, сутолока и всеобщее раздражение от вынужденного отступления должны были найти свой выход. Этим громоотводом стал караульный, растерявшийся от неожиданного напора артиллерийского подпоручика.

– Чёрт с вами... – еле слышно произнёс рядовой неуставную фразу и махнул мужикам, пропустив сначала телегу с ранеными, уложенными на жидкую подстилку из остатков сена. Мужички с благодарностью кивнули подпоручику и сразу же пнули двух осликов, неведомо как выживших в этой мясорубке. Третий же, самый из них тщедушный, и оказался мужем голосистой женщины. Он сам взял в руки оглобли и потащил свою арбу. Крепкая баба в это время быстро поклонилась графу и коротко крикнула ему, толкая уже сзади свою повозку: «Воздастся тебе, милоч! Господь всё видит! Спаси тебя Бог!».

Среди ночи, под грохот взрываемых укреплений и складов, батарея Толстого переправилась на северную сторону. На той стороне переправы несколько офицеров указывали, кому куда следовать – перед ними стояла задача максимально быстро очистить выход с моста, чтобы не создавать заторов при движении.

Мокрые от морской воды, периодически заливавшей переправу волнами, артиллеристы шли к шестнадцатой батарее. Уже на подходе, когда пространство позволило двигаться не в колонне, подпоручик обратил внимание на гомонящую толпу солдат и матросов, собравшихся вокруг каменного парапета, на котором стоял человек в генеральском мундире, пытавшийся своим командным голосом перекрыть толпу.

– Сдались на милость супостатам! Струсили! – перекрикивали друг друга озлобленные защитники Севастополя.

Генерал поправил пенсне, снял фуражку и громко продолжил:

– От того, что Москва сгорела в двенадцатом⁶, Россия не погибла! Москва возродилась, отстроилась, и казаки таки вошли через два года в Париж! Севастополь не сдан! Я приказал войскам отступить с позиций на Южной стороне, потому как не вижу смысла в дальнейших жертвах после падения Малахова кургана!

Толпа притихла, слушая своего командующего.

– Наши главные победы впереди! И я, как главнокомандующий, должен думать не только о сиюминутных тактических выгодах, но и том, что я буду делать завтра! Кем буду командовать, какими силами противостоять неприятелю! Сегодня я сохранил войско, уступив несколько

---

⁶ 1812 г.

высот, завтра это войско, окрепшее и перевооружённое, продемонстрирует силу русского оружия снова и снова! Нам нужно жить, братцы, нам нужно окрепнуть!

– А что, Нахимов даром погиб? Так выходит? – вскрикнул моряк в боцманском кителе.

– Недаром! Его отвага и бесстрашие вдохновляли нас на ратные подвиги, а его знания и раздумья нам в помощь будут, когда флот будем строить заново. Новый флот, с портом в Севастополе!

– Эх, Ваше высокопревосходительство... Когда это будет? – раздалось из толпы.

– Будет, братцы, будет! Столько крови пролито на этом месте, столько братков наших полегло! Не имеем права сдать, не можем смириться! А сейчас – раны лечить, да отдыхать. Сил набираться!

Воины, кто молча, кто – безнадежно махнув рукой, стали расходиться и подпоручик Толстой направился к генералу, пробираясь сквозь толпу.

– Граф, рад вас видеть в здравии! – генерал обнял подпоручика, и, держа его за плечи, окинув взглядом с ног до головы. – Цел?

– Как видите, Михаил Дмитриевич! Можно сказать, повезло... – ответил граф Толстой генералу Горчакову. Именно Горчаков, будучи командующим войсками в Крыму, удовлетворил прошение своего дальнего родственника, подпоручика Льва Толстого о переводе на позиции.

– То, что выжил – это хороший знак. Значит нужен ещё, значит у высших сил на тебя планы... Сказывают, государь читывал твой «Севастопольский рассказ». Передали мне даже волю Высочайшую, мол, беречь следует Толстого. Талантлив.

– Премного благодарен, Ваше высокопревосходительство, что не спрятали в тылу. Теперь, думаю, впечатлений у меня набралось предостаточно, чтобы написать об этом еще кое-что...

– Лев Николаевич, только попрошу тебя... Ты с этими своими памфлетами, поосторожней⁷.

– Пожалуй, памфлетами тут дела не решить, да, Михаил Дмитриевич... Как же так? Почему так получилось? – Толстой смотрел в глаза генерала и тот взгляда не отводил. Напротив – выражение лица Горчакова сменилось с благостного, от встречи с выжившим родственником, на суровое, какое бывает у генерала, вычитывающего своего подчинённого.

– И ты туда же, граф! Рассказать, как? Тут вот меня Нахимовым попрекают, мол, сгубили народного героя! Скажу тебе: адмирал искал своей доли. Все знают – он единственный, кто по позициям в золотых эполетах ходил под прицельным огнём! А почему, знаешь? От отчаяния. Никто ему был не указ. Раз уж, флота лишился, так решил на суше восполнить с лихвой. Понимал он, что с таким флотом не одолеем эскадру. Куда нашим парусам против их паровых машин? Куда нашим пушкам с их дальностью тягаться? Всё, закончилось время деревянных парусников. И мы проиграли не сегодня. Мы проиграли, когда не думали о бронировании корпусов, о новой артиллерии. И Нахимов это понимал лучше всех. Только не хотели его слушать в Петербурге. Одна надежда – если новый Государь наш, Александр Николаевич, тем, что батюшка его покойный упустил, озаботится... Оказалось, что подкрепление к Севастополю англичанам было легче привести морем, за тысячи миль, чем нам по суше три месяца идти... Пиши, Лев Николаевич, пиши... Ты всю правду здесь повидал. Пиши. Пусть читают...

... Французы долго не решались подняться на четвёртый бастион, и другие позиции, поначалу не поверив, что русские после такого ожесточённого сопротивления оставили Южную сторону и полностью разрушенный город.

---

⁷ В начале августа 1855 г. Л. Толстой написал песню «Как четвёртого числа нас нелёгкая несла горы отбирать», где откровенно высмеял неорганизованные и непродуманные действия русского генералитета, приведшие к поражению от франко-сардинских корпусов в сражении возле речки Чёрной.

Только через три дня вперёд пошли сапёры, ожидавшие каждую минуту, что вот-вот рванёт заложённая где-то мина или пороховой погреб, но всё уже взорвали ночью при отступлении, а сапёров тех встретил мичман Сухомлин с 12-ти пушечного брига «Язон». С собой он забрал четверых.

Глава III

3 января 1856 г. Рабочий кабинет Александра II. Зимний дворец. Санкт – Петербург.

Государь Александр Николаевич пребывал в прескверном расположении духа. Метель, разбушевавшаяся к вечеру этого дня в Санкт-Петербурге, протяжно подвывала, бомбардировала столицу снежными зарядами и, казалось, была намерена лютовать до утра. Погода за окном кабинета императора полностью соответствовала положению дел в стране, в дипломатии, на фронте.

Получив от отца не самое завидное наследство – пустую казну, политическую изоляцию в Европе, войну на нескольких театрах боевых действий, он поклялся перед Государственным Советом и всей Империей, что денно и ночно единственной его заботой будет беспокойство о благоденствии страны. Господь пока явно не благоволил новоиспечённому Государю в реализации его намерений.

Ровно в восемь вечера камердинер, как обычно торжественно, распахнул обе створки высоких дверей его кабинета:

– Ваше Императорское Величество! Великий князь Константин Николаевич и прочие приглашённые прибыли для аудиенции!

– Зови... – Александр II продолжал стоять у окна, вглядываясь в стекло, покрытое морозными узорами, сквозь которые уже с трудом просматривались контуры дворцового ансамбля.

Камерная обстановка рабочего кабинета царя полностью соответствовала моменту. Портреты государей, картины, изображающие батальные сцены, даже фигурки солдат разных полков, накрытые стеклянными колпаками – всё наталкивало только на мысли о войне и её последствиях.

– Ваше Императорское Величество, – прервал неловкую паузу младший брат царя, адмирал, управляющий морским ведомством, Великий князь Константин Николаевич. – По Вашему приказу прибыли все, кто необходим для сегодняшнего совета. Мы в Вашем распоряжении, государь...

Чести быть в советниках у Императора в такой тяжёлый час удостоились кроме Великого князя Константина, военный министр, князь Василий Андреевич Долгоруков, бывший российский посол в Вене барон Мейендорф, министр иностранных дел граф Нессельроде, князь Воронцов, графы Блудов, Орлов и Киселёв.

– Располагайтесь, господа... – произнёс Александр II на французском языке. – Протоколов вести не будем. Сегодня мы с вами обязаны принять решение, во многом, возможно, судьбоносное. Мне нужно знать мнение каждого из вас. Необходимость именно коллегиального решения продиктована вашей компетенцией и моим безусловным доверием.

Все восемь приглашённых, конечно, были посвящены в канву событий, но именно сам факт этого почти ночного совещания подталкивал их к мысли, что произошло нечто неординарное.

– Мы получили удар в спину. – Александр II, заложив руки за спину, стал между своим столом, располагавшимся посередине кабинета и окном, так, чтобы видеть каждого из присутствующих, ни один из которых не принял предложение государя располагаться. В присутствии венценосной особы они все продолжали стоять.

– Австрийский посол Эстергази передал нашему министру иностранных дел Нессельроде ультиматум коалиции. Карл Васильевич, конечно, знаком с его содержанием, но не вы, – продолжил царь. – Срок сего ультиматума истекает через три дня. Как поведёт себя Австрия в случае его неприятия, мы можем только гадать, но я не припомню ни одного случая в истории дипломатии, когда такие события заканчивались бы пирами. Итак... Ультиматум содержит пять пунктов. Поправьте меня, министр, если я недостаточно точно выражу их.

Нессельроде поправил пенсне и покорно кивнул – в его возрасте такие тревобления давались слишком тяжело, последние дни он стал замечать некоторую слабость в ногах, и порой

приходилось умирять лёгкий тремор. Даже его любимые изысканные ужины при свечах не доставляли никакого удовольствия и не приносили такого желанного душевного равновесия.

– Первое: противостоящая нам коалиция требует уступить в их пользу протекторат над Сербией и Валахией. Второе: в устье Дуная они требуют полную свободу судоходства.

Государевы советники, каждый из которых в силу своих обязанностей владел лишь частью общей картины, внимательно слушали своего царя – каждое его слово рисовало ситуацию в целом.

– Третье: нам предложено отказаться от покровительства православных подданных турецкого султана.

Граф Блудов, считавший, что двуглавый орёл – единственный истинный защитник православных, на этих государевых словах не смог сдержать эмоций и своим хмурым выражением лица ясно выразил своё неудовольствие.

Император говорил медленно, отчётливо, делая паузы между словами, будто ему было нужно сформулировать следующую мысль, и при этом внимательно следил за реакцией приглашённых. Кроме старика Блудова никто своего душевного беспокойства не выказал.

– Четвёртое: уступить Молдавии часть Бессарабии вдоль русла Дуная.

Нессельроде еще раз кивнул, подтверждая истинность слов Государя, но выглядело это несколько нелепо – он будто оправдывался. Все присутствующие отлично знали историю австрийского вопроса и понимали, что такой резкий разворот союзника – это в первую очередь – катастрофический провал министерства иностранных дел.

– И пятое, – Александр II от нервного напряжения сам не сдержался и изменился в лице – челюсти его сжались, заставив желваки вздуться, а взгляд стал острым, с прищуром. – Сим трактатом нам запрещается иметь на Чёрном море военный флот, а на берегах – арсеналы и укрепления...

Государь окончил свою короткую речь, но никто пока не решился взять слово.

– Как, впрочем, и Турции, но это мало что меняет. И через Босфор также воспрещается проход всяких эскадр независимо от флага.

Александр II проследовал к своему креслу у стола и сел, положив ногу на ногу. Члены этого импровизированного совета при дворе после жеста хозяина кабинета таки сели на подготовленные для них места, но министру иностранных дел, борющемуся в этот момент со своим пульсом, всё же пришлось опять подняться.

– Карл Васильевич... Потрудитесь сформулировать мне и всем присутствующим мнение вашего ведомства. Попытайтесь при этом не растекаться мыслью по древу. О лаконичности прошу и всех остальных. Мне нужно знать ответ только на один вопрос – принимаем мы ультиматум или нет. Как следствие – сможем ли мы оправиться от такого удара... Прошу...

– Ваше Императорское Величество, я буду краток... Союзники недовольны содержанием этого документа. Они считают, что эти условия не удовлетворяют их амбиций и они в праве требовать большего.

– На основании чего? В войне определился победитель? – перебил своего министра Император.

– После падения Севастополя они себя таковыми считают. Я не уверен, что дальнейшее наше сопротивление не приведёт к ухудшению положения на театре военных действий, и тогда уж точно условия мира буду иными. Более тяжёлыми.

Рассматривая поверхность стола, Александр II провёл рукой по усам, будто проверяя их и без того идеальную линию.

– Михаил Семёнович, соблаговолите высказаться... – слово переходило к наместнику Кавказа, светлейшему князю Воронцову.

– Вижу в принятии условий тяжёлый, но такой нужный нам выход. Можем потерять Польшу или Финляндию. Или и Польшу и Финляндию. Сейчас поступившись гордыней, сможем голову поднять со временем. Время – наш друг и союзник.

– Генерал-адъютант Орлов... – Государь выслушивал своих советников в том порядке, в котором они расположились в кабинете.

– Ваше Императорское Величество... Верхом самонадеянности я считал бы слепую веру в нашу победу, когда ни одна из держав нам не подставит плечо. Согласен с князем Воронцовым. Польша и Финляндия меньше пятидесяти лет в составе Империи. Это одно поколение. Союзники долго думать не будут. Это они сейчас не решились – еще год войны, и условия будут другими. По сравнению с такими опасностями, жертвы, которых от нас теперь требуют, ничтожны, минимальны и на них должно согласиться...

– Барон Мейендорф.

– Дальнейшее ведение войны ослабит казну настолько, что мы неизбежно придём к банкротству. Не вижу в этих условиях ничего такого, что помешало бы за некоторое время восстановить состояние казны и армии. Пусть потешатся. Пока что...

– Граф Киселёв.

– Народ истощён и зол. В каждой войне есть смысл, если она ведёт к победам. Викторию же в одиночку не одержать. Следует согласиться и искать союзников в Европе. Союзников против Британии в первую очередь. Те никогда не успокоятся. Мир с Англией – всегда явление временное, пока лев не отоспится и не зализет раны.

– Граф Блудов.

– Ваше Императорское Величество, моя позиция Вам хорошо известна. Быть в числе великих держав – значит нести крест ответственности. Я не знаю, что мы потом скажем сербам. Я не найду слов для наших моряков. И не сумею оправдаться перед православными, что в Турции осеняют себя таким же как и мы крестным знамением. Условий не принимать. Таково будет моё слово.

Император встал с кресла и, всё так же держа руки за спиной, опять подошёл к окну – теперь ему следовало принять решение. После долгого молчания, за время которого каждый из выступивших продумал сказанное ним еще раз и убедился в собственной правоте, Император огласил свой вердикт:

– Посему и быть. Каждый из вас сказал слова, ведомый искренним желанием благополучия России. Нессельроде – повелеваю вступить в переговоры и готовить мирную конференцию. Всем спасибо. Великий князь, оставайтесь...

Константин Николаевич всё это время не сказал ни слова, но он был посвящён в тему вечернего собрания в Зимнем.

– Скажи мне, брат... – Император обратился к Великому князю, когда дверь кабинета закрылась за графом Орловым, выходявшим последним. – Ты, как адмирал, как управляющий морским ведомством, сможешь ли повторить то чудо, что сотворил вместе с Путиловым⁸?

– Ваше Императорское Величество, как это сделать, мы понимаем. Но как же запрет на флот в Чёрном море?

– Пока Нессельроде будет торговаться, нам нужно уже размышлять на десять лет вперёд. Как запретили, так и отменят. Не бывает вечных договоров. Вон, Австрия – тому пример.

– Только наш великий предок мог с мужиками флот на Плещеевом озере заложить, – князь Константин взглядом указал на портрет Петра Первого. – Времена другие. Топором да сноровкой уже не управиться. Слова Горчакова мне запомнились: пока мы три месяца полки в Крым ведём, пока порох на подводах тащим, англичане всю Европу на судах за месяц обходят.

---

⁸ В 1854 г. Н.И. Путилов по поручению князя Константина Николаевича и за его личные средства в короткий срок построил для защиты Санкт-Петербурга от осаждавшей столицу англо-французской эскадры флотилию паровых канонерских лодок.

– И флот будет, и Севастополь. Пусть дипломаты свои интриги плетут. Наше дело – быть готовыми, когда они одержат победу на своём фронте, а для этого... Ты готов, брат? Только тебе могу доверять.

– Не впервой, государь. Мужики на путиловских верфях говорили – сдюжаем. На тот случай план уже продуман в общих чертах: была бы железная дорога до Севастополя, разве решились бы союзники на осаду? Нет. Был бы флот броненосный, подошли бы на рейд? Точно нет. Металл нужен. Наш металл. Тогда и лист броненосный сделаем, и рельс. Немногим больше мы, чем Англия, нам без дорог будущего не видать.

– Ну что ж... Чем сложнее цель, тем интересней к ней идти. Я так понимаю, ты, Константин Николаевич, согласен. Теперь с тебя спрос будет и за флот новый, и за дороги железные...

Глава IV

11 ноября 1863 г. Форт Константин. Кронштадт.

Порывистый ветер с моря гнал коричневые волны с залива в сторону Маркизовой лужи⁹. Еще немного – и лёд покроет поверхность Невской губы хрупкой коркой, которая затем за пару ночей превратится в прочный панцирь, делая невозможным полноценное судоходство.

Суэта в форте «Великий князь Константин», как это обычно бывает в частях, предвосхищала визит высокой инспекции. Матросы сновали поодиночке и группами, передвигая необычного вида деревянные конструкции с подвешенными на них цепями железными листами, опиравшимися на дощатую стену. Со своих позиций были сняты два орудия – одно, английское, 68-фунтовое, системы Дандаса, другое, только поступившее в форт, производства завода Круппа. Пушки установили на расстоянии двухсот метров от железных щитов, служивших в данном случае мишенями.

Командир форта, полковник артиллерии Мельников с удовлетворением принял доклад офицера о полной готовности к испытаниям – к берегу уже причаливал катер из Санкт-Петербурга.

На берег, придерживая фуражки от ветра, сошли генерал-адъютант, товарищ¹⁰ генерального инспектора по инженерной части Эдуард Иванович Тотлебен; полковник, военный инженер Оттоман Борисович Герн и еще несколько офицеров, представлявших военное и инженерное ведомства.

Тотлебен, ступив на сушу с палубы колыхаемого волнами небольшого катера, уверенным шагом, не ожидая встречающих (он категорически не принимал разного рода формальностей и лести) двинулся в направлении форта Константин. Генеральский мундир был виден издали, так что, встречающая сторона вполне была осведомлена о прибытии комиссии во главе с гением военной инженерии.

Тот самый Тотлебен, который, исправил непредусмотрительность Меншикова, успел в спешном порядке возвести укрепления в Севастополе, который спас город от штурма союзного десанта, теперь руководил переоснащением фортификаций. Поручение это генерал получил от Великого князя Константина и первым стал форт, названный в честь самого брата Императора.

Мощь артиллерии английского и французского флотов, получивших в своё распоряжение нарезные орудия, требовала принятия срочных мер. Как и всё в России, модернизация происходила авральным порядком.

– Итак, полковник, как наши дела? – генерал, не останавливаясь, проследовал к металлическим щитам.

– Ваше Высокопревосходительство, всё готово! – отрапортовал командир форта.

Тотлебен снял перчатки и руками принялся ощупывать холодный металл. За его действиями и реакцией наблюдали два человека, одетых не по российской моде.

– Англичане? – кивнул в сторону тех двоих генерал.

– Так точно, Ваше высокоблагородие! Прибыли с Британских островов, сопровождая груз!

– Пригласите их, чего они там мёрзнут? – ухмыльнулся Тотлебен, обратив внимание, что англичане одеты явно не по погоде. Лондонский климат от здешнего в это время года выгодно отличается мягкостью и официальные гости явно не учли этого обстоятельства.

Лейтенант, стоявший позади командира форта, по армейской привычке приказным жестом махнул рукой, чтобы не терять времени, но англичане продолжали стоять на месте.

– Эх, черти... – молодому офицеру пришлось пробежаться.

---

⁹ Невская губа (фолк.) Иногда Маркизовой лужей именовали за его мелководность и весь Финский залив.

¹⁰ Заместитель.

– Что эти русские о себе возомнили? – негромко сказал один из англичан своему помощнику, которого он взял в поездку в качестве переводчика – у того были русские корни и он сносно владел языком.

– Как обычно, мистер Хьюз... дремучие, некультурные люди... – ответил ему помощник, сопровождая к генералу.

Среднего роста, розовощёкий, англичанин с седыми бакенбардами, спускающимися вниз от котелка, своей искренней улыбкой произвёл на Тотлебена обезоруживающе приятное впечатление. Этот подданный Британской короны не вписывался в стереотипы того, как должны выглядеть островитяне: он был не бледным, не худым, не имел острых черт лица и не изображал аристократскую невозмутимость. Полная противоположность.

– Разрешите представиться, господин генерал. Управляющий Мильвольским железопрокатным заводом, Джон Джеймс Хьюз, – переводчик с ужасным акцентом, свойственным англичанам при русском произношении, прокартавил первую фразу своего шефа, произнесённую в адрес русского генерала.

– Это та самая броня, которую ваше Адмиралтейство так нахваливало?

– Абсолютно так.

– Проводились ли испытания? – строгим голосом испросил Тотлебен. Ему было интересно, насколько искренне поведет себя английский промышленник. На самом деле, генерал-адъютант знал о результатах контрольных отстрелов, проведенных в Англии, всё в мельчайших подробностях.

– Проводились, конечно. Британское Адмиралтейство не имеет привычки верить на слово. Именно поэтому, наш флот – лучший в мире, – тон англичанина изменился с благостно-мягкого на уверенный, с нотками некоторой, допустимой приличиями, жёсткости.

– Ну, это временно... С какого расстояния расстреливали броню?

– Со ста саженей¹¹, господин генерал.

Тотлебен, повернувшись в пол-оборота, искал глазами командира форта:

– Полковник Мельников, прикажите подкатить орудия на четверть расстояния. Будем расстреливать с семидесяти саженей.

– Есть! – кивком головы полковник отправил своего лейтенанта выполнять приказ.

Пока столичная комиссия, англичане и военные шли под специальный навес, оборудованный за каменным бруствером, артиллеристы под командованием своих младших офицеров перекачивали пушки.

– И-и-и... Раз! – одновременно приложенные усилия десятка рук заставили сдвинуться с места лафет и, скрипя небольшими деревянными колёсами, орудие постепенно стало приближаться к отметке семьдесят саженей, на которой стоял лейтенант.

«Хитрый лис... Они не только разметили дистанцию, но и установили орудия сразу на семьсот футов...» – отметил про себя Джон Хьюз, удовлетворённый результатами проверки, устроенной ему генералом.

– Готовы? Командуйте, полковник. Заряжать в соответствии с протоколом испытаний, – скомандовал Тотлебен.

– Заряжай! Товсь! Пли! – оглушительный выстрел английского орудия почти слился со звонким ударом ядра о лист.

– Заряжай! Товсь! Пли! – следующий лист сорвало с цепей, и командир форта недовольно поморщился.

– Полковник, теперь из Круппа, – скомандовал Тотлебен. Новое орудие было нарезным и имело гораздо большую пробивную силу.

---

¹¹ 1 сажень = 7 футов = 2,13 м. 100 саженей = 700 футов = 213 м.

– Заряжай! Товсь! Пли! – Крупп звучал ещё мощнее. Гулко, низким тоном пушка выплюнула ядро и бронированный лист, поддавшись его удару, передал всю энергию станине, которая, качнувшись, будто потерявший равновесие пьяный матрос, хрустнула опорными балками и рухнула на булыжную мостовую форта.

– Пойдёмте... – генерал Тотлебен не стал дожидаться ответа англичан, славившихся своей приверженностью к этикету, а, быстро развернувшись, направился к мишеням.

Первые два листа повреждений не имели, лишь небольшие вмятины в месте попадания, которое пришлось точно по центру. Полковник Мельников в этот момент в душе испытывал ликование – недаром они вчера всадили в специально изготовленные дощатые щиты по десятку зарядов из каждой пушки. Не было сомнения, что попадут – Мельников требовал всадить заряд в пересечение диагоналей, которые он нарисовал лично. В самый центр.

– Господин полковник, моя благодарность батарее. Отличное попадание! – заметил Тотлебен. – Что скажете, полковник Герн?

Военный инженер присел так, чтобы место удара располагалось перед глазами, некоторое время рассматривал вмятину, зачем-то ощупал лист с торца и вынес свой вердикт:

– Достойно.

Такому же тщательному обследованию были подвержены и остальные образцы, в том числе, и поваленный выстрелом крупновской пушки. На этой, последней мишени, повреждения были наиболее значительны, но лист не порвался и не треснул – лишь глубокая отметина, будто от удара кувалды, так же как и на остальных, располагалась в самом центре.

– Я удовлетворён, Ваше высокоблагородие. К качеству брони у меня претензий нет. Возможно, оно даже превзошло мои ожидания. Если учесть, что листы будут укладываться поверх гранитных плит, то можно считать бруствер форта Константин неприступным перед современной корабельной артиллерией.

Несколько поразмыслив, обойдя опять медленным шагом образцы, Тотлебен обратился к англичанину:

– Скажите, мистер Хьюз... Эта броня производится на вашем заводе в Мильволе?

– Точно так, господин генерал. Это плоды моего труда и экспериментов. Я потратил на это изобретение несколько лет.

– Вы гарантируете, что с первым пароходом из Англии придут точно такие же?

– Господин генерал, доставленные нами образцы полностью идентичны тем, что испытывались нашим Адмиралтейством. Иначе и быть не может. На кону стоит моё имя. Читаю в Ваших глазах некоторое сомнение, потому могу заявить: лучшей стали в Англии не производят. Даже, если бы я имел коварный план, то найти бронированный лист лучшего качества просто негде. Я привёз свой.

– Я удовлетворён Вашим ответом. Можете считать, что вы получили подряд на бронирование форта Константин. Все подробности прошу Вас обсудить с полковником Герном. До скорой встречи. Принимать приеду лично.

– Можете не сомневаться, господин генерал. Вам не придётся расстреливать бруствер собственного форта, чтобы удостовериться в качестве листа, – Хьюз в знак почтения приподнял котелок, и комиссия во главе с генералом удалилась на причал.

Уже на катере полковник Герн, держась за поручни рядом с генералом, стоящем на палубе, решился оторвать его от раздумий.

– Я понимаю, о чём Вы думаете, Ваше Высокопревосходительство. Я думаю о том же...

– И что вас тревожит, полковник Герн? – вопросительно взглянул на того Тотлебен.

– Семь лет назад такими ядрами эти же англичане разрушили наш Севастополь, а теперь они нам продают броню для защиты от собственных пушек. Чудны дела твои, Господи... – ответил Герн.

– Да уж, в хитросплетении политики и коммерческих интересов могут возникать самые замысловатые сюжеты... Вот привезёт он завтра другой лист, что лопнет от плевка 38-дюймовой пушки, и как я буду в глаза князю Константину смотреть?

– Выход здесь один, Ваше высокоблагородие. Самим броню делать. Тогда взгляд Ваш всегда будет полным уверенности.

Глава V

16 декабря 1866 г. Резиденция Министерства иностранных дел. Дворцовая площадь. Санкт – Петербург.

– Ваша светлость, извольте чаю! – секретарь, державший поднос на пальцах одной руки, как заправский лакей, сохраняя равновесие, приоткрыл массивную дверь и полубоком проник в кабинет.

– Благодарю, Александр Карлович. Вы как всегда кстати... – промолвил человек, восседавший за громадным рабочим столом, обитым зеленой тканью, на котором согласно только одной ему известной системе были разложены бумаги, большая часть из которых составляла государственную тайну.

Сторонний взгляд непосвященного человека мог бы сложить мнение о хозяине кабинета, как о человеке чиновничьего племени, добряке из какой-нибудь столичной конторы, которого прислали в некий забытый богом уездный городишко с ревизией кипучей деятельности проворовавшегося градоначальника.

Немного полноватое, соответствующее возрасту лицо; небольшие, но живые глаза, уголки которых несколько приопущены, с интересом обращали внимание на все подробности окружающего мира из-за стёкол очков; слегка ироничная улыбка, сопровождавшая мыслительный процесс в ходе прочтения бумаг; ухоженные руки, с профессиональным проворством справляющиеся с пером – все эти подробности указывали на аккуратного и спокойного государева человека. Мнение это, однако, стало бы чрезвычайно обманчивым, только его обладатель смог бы глянуть на князя в деле – то ли на приёме посольском, то ли на переговорах. За этим добродушным и покладистым видом скрывался напористый и неуступчивый человек, державший в уме сотни вариантов развития событий, знавший всех влиятельных особ Европы, сам влиявший на принятия решений при русском дворе и не только.

– Соизвольте, пока горячий... – Александр Карлович за годы своей службы успел изучить вкусы и пристрастия своего неизменного начальника и безошибочно научился их предугадывать. В этой черте секретаря просматривалось не плебейство, но искренняя преданность и уважение. Нынче у князя разболелось горло, он страдал сухим кашлем и старался не выходить за пределы здания на Дворцовой площади, где располагалось министерство иностранных дел. В очередной раз, услышав за дверью приглушенный кашель, секретарь министра Александра Михайловича Горчакова принялся собирать поднос, истребовав кипятка у кухарок снизу.

– Замечательно, замечательно... – задумчиво произнёс Горчаков, оторвав взгляд от бумаг, которые он внимательно изучал перед этим.

– Намедни с матушкой советовался, она бруснички велела передать. Сказала – кашель как рукой снимет. Велела вприкусочку, вместо сахара.

– Вы, Александр Карлович, печётесь обо мне лучшим образом, чем моя покойная супруга в своё время, – с нотой благодарности произнёс министр.

– Как же иначе, Ваша светлость, как же иначе...

Секретарь бесшумно поставил хрустальную вазочку с брусничным вареньем возле чашки с чаем на полированный столик рядом с диваном, и, между прочим, добавил:

– Из Зимнего корреспонденцию доставили ответную, от Государя. Сей момент принесу.

Через минуту на другом, меньшего размера, серебряном подносе, специально предназначенном для почты, секретарь принёс запечатанный сургучом конверт.

– Очень хорошо. Этого ответа я третий день жду, – Горчаков посмотрел сквозь конверт на окно, определив расположение депеши, и уверенный в её последующей целости, вскрыл конверт канцелярским ножом с ручкой слоновой кости, сломав предварительно сургучную печать с царским вензелем.

Не привыкший к назойливости, секретарь министра иностранных дел удалился к своему рабочему месту, оставив Горчакова наедине с документом.

До чая дело не дошло. Следовало царскую резолюцию вычитать и обдумать дальнейшие действия.

«В час пополудни пятницы в соответствии с указанным списком следует созвать весьма секретное совещание. Если здоровье Ваше не позволяет, можно у Вас, в Министерстве иностранных дел» – почерк у государя неразборчив, да и написано было, скорее всего, в спешке – читать пришлось пару раз.

Горчаков немного улыбнулся, отпив taki чай, который еще не успел остыть. Государь проявил почтение к его возрасту и состоянию здоровья, что было не только лестно, но и свидетельствовало о предрасположенности Его Императорского Величества к позиции Министерства иностранных дел в предстоящей дискуссии. Александр II в приближенном кругу не утруждал себя условностями и требовал от своих чиновников и единомышленников того же – искренности и честности, потому этот его выбор места для совещания говорил о многом.

Неспешно подойдя к столу, министр иностранных дел снял очки и принялся протирать линзы бархаткой, глядя в окно. Он так делал часто, когда задумывался, будто чистота стёкол непосредственно влияла на чистоту мысли.

Перед решающим раундом ум седого дипломата, словно в поисках подтверждения справедливости и взвешенности всех сделанных ранее шагов, возвращался к истории вопроса. Наконец Горчаков присел к полированному столику, на котором по-прежнему лежало его письмо государю с собственноручно наложенной высочайшей резолюцией. В подтверждение правильности своего хода мысли министр вернулся к его прочтению:

«... однако, взять на себя ответственность за *«une conclusion isolée»*¹², не рискну...»

Да, это был правильный ход. Нельзя забирать инициативу у Великого князя Константина Николаевича. Его позиция последовательна, известна, но излишним рвением можно было бы поставить его в арьергард. А это как минимум – не вежливо.

«Я хотел бы иметь возможность обсудить его в присутствии в. в-ва. Быть может, Вы соблагovolите разрешить, чтобы вопрос был обсужден под Вашим высоким председательством в узком комитете ввиду необходимости соблюдения непрременной секретности, который будет состоять только из вел. кн. Константина, г-на Рейтерна и меня. Г-н Стеклъ мог бы быть приглашен ввиду своего знания местных условий».

– Александр Карлович! – Горчаков позвонил в маленький колокольчик, и практически сиюминутно грузная фигура секретаря появилась в проеме двери. – Александр Карлович, позаботьтесь, чтобы министр финансов, и наш посланник в Вашингтоне были оповещены о том, что Его Императорское Величество назначил коллегия на завтра пополудни. В нашем зале. Великому князю Константину Николаевичу пошлите эту мою записку, – Горчаков сложил вдвое лист с только что написанным текстом приглашения к собранию.

– Будет исполнено, Ваша светлость... – секретарь медленно удалился восвояси, даже не воспользовавшись листом для записей.

Следующим днём, когда пурга накрыла Санкт-Петербург, Горчаков еще не раз вспомнил о великодушии Государя, проникшегося его состоянием здоровья. Проклятое горло болело настолько, что он практически не мог высказать вслух ни одной мысли. Александр Карлович, переложив на завтра некоторые из не слишком срочных дел министра, отменил и все аудиенции – главной его заботой стала простуда князя. Жара еще не было, но в таком почтенном возрасте любая болезнь может стать роковой.

– Чего там говорить – уж насколько император Николай I, покойный батюшка Его Величества, крепкого сложения был, а видите, как скоропостижно... И еще вот это полоскание, прошу, Александр Михайлович, что Вы, право, как ребенок... – секретарь всё никак не мог

---

¹² Отдельное заключение.

угovorить Горчакова к процедуре, прописанной лекарем Ленцем – тот всё никак не отрывался от бумаг – внимательно прочитывал отчёт о деятельности Русско-Американской кампании.

– Не к месту, Александр Карлович, не к месту... – не отрываясь от документа, сиплым голосом ответил секретарю Горчаков. – Всё после. Вот вернусь, и я в вашем распоряжении... Государь на совещание отвёл три четверти часа, не более. У него в два пополудни следующий приём... И неплохо было бы брусники с чаем, а, Александр Карлович?

– Сделаем в лучшем виде! – секретарь смягчился в своих требованиях, получив удовлетворительный ответ и, глянув на большие напольные часы, показывавшие без четверти час, проследовал за парадным мундиром министра.

За десять минут до назначенного времени возле парадного зала Министерства иностранных дел в ожидании Государя находились все приглашенные на «особое собрание».

Михаил Христофорович Рейтерн, министр финансов Российской империи, один из приближенных к Великому князю, еще со времен работы в морском ведомстве, негромко беседовал со своим давним покровителем, обсуждая перспективы сделки. О том же разговаривали Горчаков с адмиралом Краббе, тоже одним из близких к Константину Николаевичу людей, приглашенным в последний момент и посланник России в Вашингтоне Стебль, пребывавший в столице с осени прошлого года.

– Господа, рад видеть вас в добром здравии! – император быстрым шагом вошел в зал, где его ожидали в сопровождении двух адъютантов. – Как Ваше недомогание, Александр Михайлович?

– Спасибо, Ваше императорское величество, иду на поправку, – на правах хозяина министр иностранных дел сделал жест в сторону зала заседаний, готового к приёму высоких гостей.

Без лишних церемоний приглашенные проследовали на свои места вслед за царём. Александр II по привычке присаживаться не стал, а «с места в карьер» начал «особое совещание»:

– Итак, господа, Вы все приглашены на особо секретное собрание, целью которого является принятие решения о судьбе Русской Аляски. Еще мой батюшка был озабочен этими территориями, их судьбой и развитием. Каждый из вас имеет соображения по указанному вопросу. Каждый из вас их обозначил в переписке, с которой я ознакомлен.

Пока государь молвил слово, Великий князь Константин Николаевич, младший брат императора Александра II, внимательно по очереди окинул взглядом каждого из присутствующих, словно провёл рекогносцировку перед боем.

Министр иностранных дел Горчаков сидел на своем кресле ровно, держа возле лица платок на случай приступа кашля. Лицо его выражало исключительное внимание и сосредоточенность. На Горчакова можно было положиться, но он, как всегда, сначала выслушает остальных, чтобы триумфально возглавить большинство, если оно окажется с ним в одной лодке.

Министр финансов Рейтерн, как обычно – в бабочке и мундире с черным отворотом, просматривал какой-то конспект. Очевидно, это были тезисы к последующему монологу. Опустив голову, граф разглядывал свой мелкий почерк сквозь стекла очков, обнажив миру масштабы своих залысин, наличие которых он пытался компенсировать довольно жиденькой и какой-то пегой бородой. Злые языки поговаривали, что барышни Михаила Христофоровича смолodu не баловали вниманием, от того в работе его с цифрами и финансами никакого сбоя от душевного волнения никогда не наблюдалось, а других причин для провалов в карьере у блестяще образованного Рейтерна быть не могло. Вот и сейчас каменное лицо министра не отражало ни одной эмоции, прочесть на нем мысли министра невозможно было в принципе. Послужной список Михаила Христофоровича и мечты о графском титуле исключали всякие неожиданно-сти с его стороны, да и объективные интересы его ведомства не противоречили его личной позиции в вопросе сделки с Северо-Американскими Штатами.

Посланник в Штатах, господин Стекль, расположившийся возле своего начальника Горчакова, излучал всем своим франтоватым видом уверенность и некую бесшабашность, хотя, его бакенбарды подчёркивали уже далеко не юношеский возраст. Именно его присутствие в столице стало катализатором темы сделки с американцами. Будучи вдалеке от родины (если так можно было бы сказать о сыне итальянки и австрийца, родившегося в Османской империи), Эдуард Андреевич уверенно двигался по карьерной лестнице в полном соответствии со своими способностями и талантами. Чрезвычайно общительный, воспитанный и образованный, русский посланник в Вашингтоне быстро вошёл в нужный круг элиты, где оставил о себе хорошее впечатление, но всю свою значимость ему было суждено постичь лишь после прибытия в Санкт-Петербург, где он докладывал о настроениях в американских высших кругах со свойственной ему обстоятельностью.

Самым настороженным, если не сказать – растерянным, выглядел морской министр Краббе. Приглашение он получил лишь за день до указанного события. Скорее всего, его, как ближайшего соратника Великого князя Константина, вызвали для поддержки одного в случае возникновения вопросов у государя по военно-морской тематике. Понимая, что всей глубиной вопроса в политическом смысле не владеет, Николай Карлович весь вечер прошлого дня посвятил штудированию материалов по своей части – в конце концов, пушки говорят тогда, когда у дипломатов запас слов и аргументов заканчивается. Так справедливо рассудил адмирал, отправляясь на это важное заседание в парадном мундире, под левым эполетом которого красовалось множество заслуженных орденов.

– Для каждого правителя, для каждой страны, уменьшение территории – это, если не катастрофа, то факт крайне нежелательный, противоестественный. Мне недостаточно собственных умозаключений для принятия решения по столь судьбоносному вопросу. Каждый из вас имеет точку зрения, основанную на личной интуиции, опыте и знаниях, – Александр II прохаживался позади кресел, в которых расположились приглашённые, но говорил, как обычно, громко и отрывисто, так, что его было очень хорошо слышно.

– Сейчас попрошу всех высказаться. Для принятия государственного решения необходимо удостовериться, что чаши весов не колеблются, а уверенно перевешивает здравая и разумная позиция. Прошу быть немногословными и помнить: от того, что вы сейчас скажете, зависит, каким словом нас будут упоминать потомки. Михаил Христофорович, прошу Вас начать первым, – государь дал слово министру финансов.

Привстав так, что кресло немного подвинулось, издав скрипящий звук, Рейтерн раздражённо отодвинул его рукой и, взяв со стола свой конспект, ровным голосом начал доклад:

– Ваше Императорское Величество, Ваше Императорское Высочество, – министр финансов слегка поклонился сначала государю, а потом Великому князю Константину, – мой род занятий предполагает полную отрешенность от эмоций. В нашем ведомстве поклоняются цифрам, посему попытаюсь обрисовать ситуацию в наших северо-американских колониях с их помощью.

– Извольте, – последовало со стороны Александра II, так и не присевшего в главе стола.

Неспешно надев очки, Рейтерн просмотрел первую страницу своего конспекта, но, в связи с приказом быть лаконичным, пропустил его и начал доклад со второго.

– Имеем ведомости долгов Российско-американской компании¹³ общей суммой 1 127 670 рублей, которые немедленно подлежат уплате. Имущества же в колониях на 1 747 652 рубля. Имеем также... – Рейтерн перелистал конспект в поисках нужной цифры, – имеем положительное сальдо по годовому отчёту – 43700 рублей.

---

¹³ Полное название – «Подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ Россійская Американская компанія» – полугосударственная колониальная компания, основанная в 1799 г. для освоения земель Аляски и Алеутских островов.

Государь от обилия цифр и монотонного доклада Рейтерна едва заметно поморщился, что не ушло от внимания Великого князя Константина:

– Михаил Христофорович, с позволения Его Императорского Величества замечу, что почтенному собранию цифры эти знакомы. Вы, как министр финансов, могли бы ознакомить нас со своим резюме по этому щекотливому делу?

– Безусловно... – Рейтерн продолжал переворачивать листы, будто в поисках самого сильного аргумента. – Обращаю внимание высокого собрания, что означенная компания пользуется ежегодной дотацией, дарованной правительством, в размере 200 000 рублей. С точки зрения экономии – компания эта, без сомнения, тягостна для державы. Можно было бы требовать от неё большей продуктивности, но они будут правы, потребовав сначала немалых денег для освоения суровых земель русской Америки.

– Позвольте, Ваше Величество? – Константин обратился к брату, взяв инициативы в свои руки. После утвердительного кивка государя Константин продолжил.

– Я также ознакомлен с докладом адмирала Тебенькова, на который опирается министр. В силу необходимости быть лаконичным, господин Рейтерн не упомянул еще об обращении Русско-американской компании, в котором они просят еще 1 120 000 рублей серебром. По всей видимости, это именно те деньги, которые они планируют истратить на экспансию в этих землях. Но! Почти за семьдесят лет нашего там присутствия до сих пор не удалось достаточно основательно закрепиться в Америке. Никакого обрусения местного населения не произошло. Так каков же Ваш вердикт, Михаил Христофорович! – Великий князь вернул слово министру финансов.

– Для нормального функционирования экономики в ближайшие три года нам потребуется не меньше 45 000 000 рублей. По пятнадцать миллионов в год. Продажа русской Америки поможет уменьшить сумму внешнего займа и выплаты процентов по ним. Считаю сделку полезной для казны. Сумму следует оговаривать отдельно. По нашим калькуляциям, это должно быть не менее пяти миллионов американских долларов.

– Итак, господа, мнение Великого князя и министра финансов нам ясно. Попрошу высказаться нашего Вашингтонского посла. Эдуард Андреевич, мы Вас слушаем, – резюмировал царь.

Стекль в свою очередь поднялся со своего места и в свойственной ему эмоциональной манере довёл до почтенного собрания своё мнение:

– Не единожды императорское посольство в Вашингтоне подавало письменные обращения федеральному правительству штатов с жалобами на действия их флибустьеров. Реакции никакой! Фактически, громадные территории не обжиты и не освоены, а те, где стоят наши немногочисленные гарнизоны, часто и безнаказанно подвергаются грабежу. Соединённые Штаты хитрят, когда утверждают, что не могут образумить своих мародёров, но юридически они правы. Берега наши – нам их и охранять. Учитывая длину береговой линии и удаление островов от материковой части, мне даже тяжело представить, какую флотилию и корпус там следует держать. Я не военный. При любой интервенции североамериканские наши земли наиболее уязвимы и могут стать поводом для очередного обострения. Итак, имеем возможное место конфликта с Британским флотом и полную невозможность отстоять эти территории. Замечу, Ваше Императорское Величество, что американцы, со свойственной им прагматичностью, после заявления о том, что они не обязаны охранять берега Аляски, тут же указали, что не прочь получить их себе на условиях взаимовыгодной сделки. Как это было с Луизианой и Флоридой, как они купили у Мексики Техас и Калифорнию.

– То, что инициатива исходит от американцев, это очень хорошо. Не самое лучшее финансовое положение нашей казны (государь бросил взгляд с упреком в сторону Рейтерна, и это не ускользнуло от внимания присутствующих) не может служить фундаментом для принятия нами этого решения. Аргументы господина Стекля весомы и понятны, имее ли что-

то еще добавить к вышесказанному? – Александр II сделал жест рукой, предлагая посланнику присесть после его отрицательного ответа.

Государь, как он часто это делал, подошёл к окну, создав в совещании паузу.

– Что же... Князь Горчаков, попрошу Вас высказаться...

Мнение министра иностранных дел, без сомнения, было самым весомым в этом обществе, практически, наравне с точкой зрения Великого князя, который, как член императорского дома, естественно, находился вне конкуренции. Прокашлявшись, Горчаков медленно поднялся со своего кресла.

– Воистину, тяжка ноша государева, и принять такое решение Его Императорскому Величеству единолично – тяжело и рискованно. Выслушав предыдущих ораторов, прихожу к мнению, что, вполне возможно, консолидированная позиция всех, от кого зависит недопущение роковой ошибки, поможет Его Величеству крепко почувствовать свою правоту и не терзать себя сомнениями. Ваше Императорское Величество, моё мнение Вам известно: продажа Аляски – дело нужное и своевременное. Тянуть больше некуда. Уверен, что тут мы еще одного зайца убьём. Наши добрые отношения с североамериканскими штатами получают последующее развитие. Нам нужно иметь союзника на американском континенте, памятуя о присутствии там Британии. Пока нам это удаётся. Со всем вышесказанным я согласен, Ваше Величество. В случае войны наши колонии будут зависеть от милости любой враждебной державы. Если вовремя Крымской войны Англия согласилась объявить о нейтрализации нашей территории, то это было потому, что она опасалась, что мы продадим её американцам, что дало бы англичанам на севере, как это существует к югу от их владений, неудобных и опасных соседей. Это соображение является, быть может, для нас мотивом продать наши колонии Соединённым Штатам. Оно, конечно же, служит основанием для американцев, чтобы их приобрести.

Горчаков, ожидая разрешения сесть, не отрывал взгляд от императора.

– Князь, вы ладно доложили... – в раздумьях произнёс Александр II. Все точки зрения были ясны и царь, если и имел сомнения ранее, то теперь, похоже, они были полностью развеяны докладами его чиновников. – Господин Рейтерн упомянул, что нам будет нужно пятнадцать миллионов в год, и это – без учёта наших планов на развитие сети железных дорог, которые, без сомнения, потребуют основательных капиталов. К тому же, держим в уме, что рельса собственного для этих целей у нас в нужном количестве изготовить невозможно. Посему, господа...

Все присутствующие, в тишине ожидали Высочайший вердикт.

– Посему, считаю, что нужно нам входить в сделку с американцами. Вопрос в цене. Господин Стекло, как быстро Вы сможете отправиться в Вашингтон для завершения дела? – обратился к посланнику император.

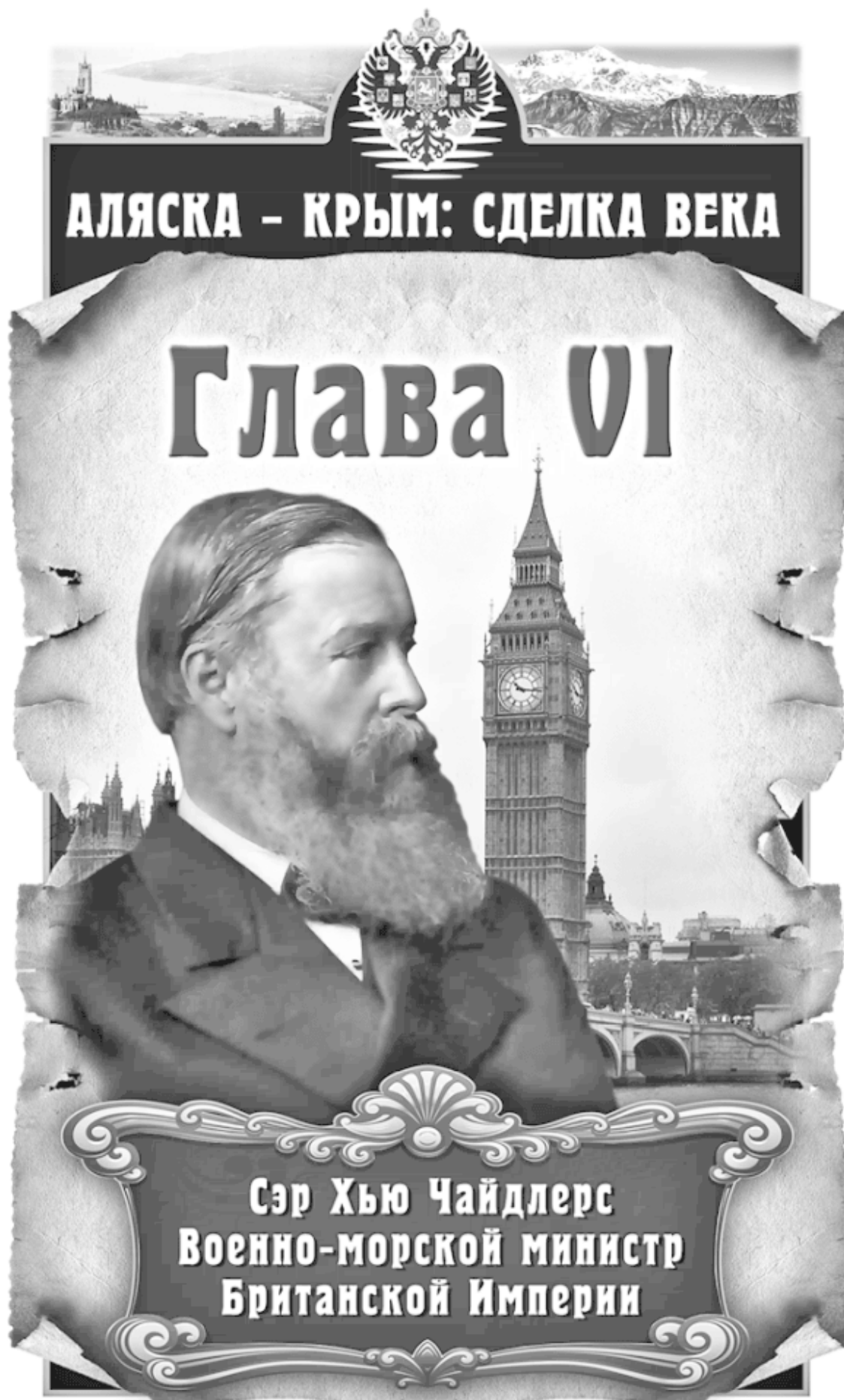
Ответ не замедлил себя ждать:

– Завтра же, после получения всех необходимых инструкций, Ваше Величество...

На самом деле, Стекло с осени пребывая в Петербурге, прощупывал почву для своего нового назначения в Европу, посчитав, что на закате карьеры заслужил спокойную службу где-нибудь в Гааге. Оказалось – не суждено...

– Господа, прошу вас завтра же снабдить нашего посланника в Вашингтоне необходимыми бумагами. Моё слово – не меньше пяти миллионов. Ваше проворство, господин Стекло, мне известно... Поторгуйтесь. Американцы скупы, но могут дать больше. Благо, телеграф делает наше сношение с Вашингтоном не таким долгим как раньше...

Глава VI

5 марта 1868 г. Лондон.

– Мистер Хьюз, вам телеграмма! – посыльный, мальчик лет тринадцати в худом пальто, в кепке, явно из гардероба старшего брата или отца, замотанный в длинный шерстяной шарф, протянул дрожащими от холода руками бланк с текстом, отбитым на ленте.

– Вы не бережёте себя, мой милый Роберт, – спокойный и доброжелательный тон седовласого управляющего резко контрастировал с обстановкой – окна его кабинета выходили на цех, где лязгали станки, грохотали падающие на валки заготовки, ругались нецензурными выражениями рабочие.

Юный Роберт Дэвис, подрабатывавший в пост-офисе¹⁴ курьером, всегда с радостью бегал на завод. Еще не было ни одного раза, чтобы мистер Джон Хьюз не наградил его щедро чаевыми, а иногда, когда управляющий был в особо хорошем расположении духа, мальчику перепадал чай с молоком и овсяным печеньем, которое не переводилось в кабинете. И в этот раз паренёк бегом отправился к своему благодетелю в расчете на вознаграждение.

– Друг мой, чтобы следующий раз я Вас видел у себя в новом шерстяном кепи. Вот вам пара шиллингов, – толстяк двумя пальцами ловко извлёк две серебряные монеты из небольшого кармана жилетки.

Мальчик расплылся в улыбке – этих денег хватит не только на кепи, но и на ужин в трактире старого боцмана Крэга. Стоило зайти туда перед возвращением домой – отец всё равно заберёт деньги, чтобы купить себе очередную бутылку рома, так пусть же ему достанется только сдача.

– Мистер Хьюз, всегда к Вашим услугам! – кивком головы юный курьер откланялся, подтвердив тем самым особый статус своего клиента.

– Погодите, юноша... – через пару секунд Роберт уже держал в своих руках картонную коробку, полную овсяного печенья. Сквозь щели упаковки просачивался дурманящий запах сегодняшней выпечки, и у голодного с утра ребёнка заурчало в животе.

Явно стесняясь звука, который он не мог сдержать, Роберт попятился спиной к входу, будто боясь спугнуть удачу – день был явно счастливым.

Конечно, причины такой щедрости мистера Хьюза мальчика не интересовали. Его больше тревожило печенье, которое остынет по пути на почту, куда он сейчас должен был отправиться в ожидании новых поручений, потому Роберт принял волевое решение успеть съесть десяток небольших ароматных кругляшей за те восемь минут, которые он должен был потратить на обратную дорогу.

Довольный своим богоугодным поступком, мистер Джон Джеймс Хьюз, держа левой рукой телеграмму, принялся шарить по карманам в поисках очков. Окуляры оказались на столе, среди вороха бумаг и чертежей.

«Достопочтенный мистер Хьюз! Прошу Вас прибыть в здание Адмиралтейства на Уайтхолл к 13:00 завтрашнего дня. Сэр Хью Чайдлерс.»

«Ну, вот и воздалось. Господь всё видит...» – удовлетворённо подумал управляющий, присев за свой рабочий стол. Чашка чая, заваренного из отборного индийского листа, ещё слегка парила – хозяин этого кабинета не любил излишне сухого и тёплого воздуха, потому температура в его конторе почти равнялась той, что была в цеху.

Пригубив божественного напитка, Хьюз погрузился в размышления о завтрашнем своем визите в почтенную организацию, курирующую в королевстве все дела военно-морского флота.

Новый военно-морской министр, сэр Хью Чайдлерс, слыл в высших кругах Британской Империи ушлым политиком, не бросающим слов на ветер. Не так давно он занял этот пост, и отзывы о нём были одинаковыми с разных сторон: в общении краток, иногда резок. Не любит

---

¹⁴ Почтовое отделение.

пространных речей от собеседника, ценит своё и чужое время. В Адмиралтействе первым делом занялся ревизией расходов и их обоснованностью – прошлая должность секретаря казначейства досталась ему не даром. Человек щепетильный и дотошный, сэр Чайлдерс любил деньги и умел с ними рачительно обращаться, пусть даже, если они и были не его личными.

Такой портрет нарисовал для себя мистер Хьюз по результатам наведения справок о новом министре. Благо, достаточное количество связей в верхах позволяло это сделать не слишком навязчиво.

Кадровые перемены в Адмиралтействе тревожили инженера Хьюза: не так давно в министерство было подано письмо, где детально излагалась предложения по дальнейшему усовершенствованию его недавнего изобретения – орудийного лафета для корабельных дальнобойных пушек и теперь имелись большие шансы, что придётся заново проходить все семь кругов бюрократического ада.

«Ничего... сэр Чайлдерс гражданский, пусть даже и с повадками солдафона, до сих пор мне с такими удавалось сговариваться и здесь, и в России... Завтрашний день покажет» – с такой мыслью управляющий свернул в тубус несколько чертежей, которые вполне могли ему пригодиться для ответственной беседы с министром и отправился домой, справедливо рассудив, что пару рюмок любимого портвейна стоит пропустить сегодня пораньше. Завтра ему будет нужен обаятельный вид и блеск в глазах, перед которым еще не устоял ни один чиновник, служивший короне.

Без четверти час экипаж Хьюза остановился на мостовой возле здания военно-морского министерства. Кучер Томас, знавший Лондон наизусть, как свою маленькую комнатку в подвале, воспринял приказ хозяина буквально и для точного исполнения времени прибытия сделал небольшой крюк. Явиться за тридцать минут и ожидать в холле – это не грамотно. Не он, Хьюз, просит встречи, а его пригласили. Опоздать же было бы верхом неприличия, и Томас, привыкший к таким тонким расчетам мистера Хьюза, исполнил его пожелание минута в минуту. За то его и ценил управляющий железопрокатного завода.

Проследовав через арку во двор Ripley Building, закрытый с трёх сторон собственно, зданием, инженер, выполнив необходимые формальности по уточнению его личности и цели визита, поднялся на второй этаж, где он уже не раз бывал на различного рода технических советах и высоких докладах.

– Рад видеть Вас, мистер Хьюз, в добром здравии! – лорд Клиффорд, завидев розовощекого валлийца с бакенбардами, ускорил шаг, чтобы обратить на себя внимание.

– Лорд, Клиффорд, очень рад, взаимно! – откланялся Хьюз, придерживая тубус с чертежами.

– Вы, как обычно, во всеоружии, – улыбнулся Филипп Клиффорд, кивнув на чертежи.

– Ещё не знаю, пригодятся ли, но на всякий случай – посчитал нужным взять. Иначе, по какому же вопросу министр хотел меня видеть?

Лицо лорда Клиффорда приобрело несколько заговорщицкое выражение и он, взяв Хьюза под локоть, медленно повёл в сторону приёмной военно-морского министра.

– Я, по всей видимости, должен был предупредить Вас заранее, но только час назад прибыл с верфи. Чертежи конструктивных дополнений вашего знаменитого лафета сегодня не понадобятся... Попрошу Вас восстановить в памяти события последних месяцев, это поможет Вам быстрее сориентироваться в разговоре с министром. Это я рекомендовал сэру Чайлдерсу задать Вам несколько вопросов. Уж простите, мой друг, что всё произошло так скоро.

– Жаль, я думал, что мои предложения получают должную оценку, – с некоторой горечью в голосе ответил Хьюз.

– На этот счёт не волнуйтесь. Все процедуры проходят без задержек, ближайшее время Вас пригласят на технический совет. Сегодня не об этом...

Посетители, между тем, уже оказались возле высоких дубовых дверей кабинета.

– Лорд Клиффорд? – слова дежурного офицера практически совпали с боем часов, располагавшихся в приёмной.

– Мистер Джон Джеймс Хьюз, – представил своего спутника лорд и оба с разрешения офицера зашли в «святая святых» Адмиралтейства – место, где рождались коварные и сложные планы, где выстраивалась стратегия доминирования королевского флота и обсуждались самые запутанные политические сюжеты и перспективы – в кабинет военно-морского министра.

Благородного вида человек с бородой, одетый в смокинг, курил трубку, стоя возле громадного стола, почти полностью занятого картами.

– Прошу, господа... – министр Чайлдс не глядя на гостей, рукой указал на место напротив того, где стоял сам.

– Сэр Чайлдс, по Вашему приказанию, прибыл в сопровождении мистера Хьюза – отрапортовал лорд Клиффорд. Сейчас он был в статусе подчинённого офицера и скрупулезно соблюдал тонкости этикета.

Некоторое время, растягивая трубку, министр так и не отрывал глаз от карты. Пауза затягивалась, но прервать её визитёры не имели права.

– Мистер Хьюз, – резко подняв глаза, сэр Чайлдс впился взглядом в валлийца, будто пригласил того не на встречу, а на допрос.

– О Ваших инженерных талантах я наслышан. Посвящен в историю ваших экспериментов с бронёй. Лорды военно-морского министерства дали самую высокую оценку результатам ваших изысканий и вашим предложениям по конструкции лафетов корабельной артиллерии.

Предпочитая не перебивать, Хьюз лишь кивнул в знак признательности за комплименты.

– Вы приглашены сюда не для награждения за прошлые, несомненно, весомые заслуги. Лорд Клиффорд вкратце описал ваши деловые интересы за последний год и у меня возникли вопросы, на которые лорд ответить не смог. Для этого Вы здесь, мистер Хьюз.

– Я весь во внимании, сэр... – валлиец уже стал догадываться о теме разговора, но тон, которым держал свою речь сэр Чайлдс, оставлял некоторые сомнения в его благополучном исходе.

– Взгляните на карту, мистер Хьюз... Ваше последнее путешествие имело своей целью исследование этого района? – в руке министра появилась длинная указка, покоившаяся до этого момента на краю стола. Её металлический, отполированный до блеска наконечник остановился в точке, расположенной немного севернее восточной части Азовского моря.

– Точно так, сэр, – отвечал Хьюз по-военному чётко и громко.

– Скажите, к каким выводам Вы пришли после своей экспедиции?

– Используя справочник, составленный ранее, тридцать лет назад, французским геологом Ле Пле, я пришёл к выводу, что изыскания его были несколько поверхностны. Ресурсы, заложенные в этой земле, гораздо более обширны и качественны, нежели описано в указанном документе.

– Не удивительно. Скрытность и коварство французов известны так же, как и их слабость к хорошему вину.

Хьюз вопросительно взглянул на министра, не вполне разделяя его точку зрения в первой части утверждения.

– Я о дипломатии и военном деле. Вам, я уверен, французская натура известна с другой стороны, – сэр Чайлдс обратил внимание на немой вопрос валлийца и сразу ответил, чтобы не ставить собеседника в неудобное положение. – Каковы были Ваши истинные мотивы поездки? У Вас уже есть планы? Мне нужны подробности.

– Сэр... Мне нужно было убедиться, что некоторые коммерческие предложения имеют перспективу.

– Предложения со стороны русских? – министр произносил слова резко, будто стрелял залпами из пушек. В какой-то момент Хьюз даже почувствовал себя виноватым, но не в его

правилах было ставить кого-либо в известность о своих планах до того момента, пока в нем не появлялась непоколебимая уверенность в успехе замысла.

– Абсолютно так. Предложение поступило от русского полковника, инженера Герна.

– Вы на короткой ноге с русскими полковниками? – министр одарил Хьюза саркастичным взглядом, позволив предварительно своему моноклю упасть на цепочке вниз.

– Имел честь поставлять броню на один из фортов Кронштадта.

– И об этом я информирован... – сэр Чайлдерс опять углубился в изучение карты. – Не встречали в тех краях ещё французских геологов?

– Нет, сэр. Глухая провинция. Там любой чужеземец как на ладони.

– Это хорошо. Имеем данные, что наши французские «друзья» отчаянно интересуются этими землями Малороссии. К Великому князю Константину Николаевичу посол в Петербурге ищет подходы. Как думаете, что их там может интересовать?

– Вопрос проще простого, – Хьюз, славившийся своим простецким характером и нелюбовью к церемониям, перешёл грань дозволенного, за что получил неодобрительный взгляд со стороны лорда Клиффорда. Укол этот был не замечен – Хьюз уже находился в своей стихии, и теперь его было не остановить. – Уголь, заложенный в этих недрах, вполне подходит для топок паровых котлов. Его даже обогащать не нужно, стоит только грамотно отладить добычу, чтобы исключить примесь породы. Это, сэр, отменное топливо для пароходов. И, как Вы правильно смотрите на карту, до моря всего-то немногим более пятидесяти морских миль¹⁵.

Чайлдерс принял задумчивую позу, осмысливая тираду валлийца, которую тот выпалил, будто боясь быть перебитым.

– Но ведь, предложение русских заключалось не в добыче угля, не так ли? – каждый вопрос министра подразумевал, что он полностью посвящен в курс дела.

– Я ответил на Ваш вопрос о возможном интересе французов.

– Поговаривают, Вы, мистер Хьюз, развили в Лондоне бурную деятельность по поиску инвесторов в некий металлургический проект?

– Пока всё сырое, сэр Чайлдерс. Только теперь, после того, как я лично убедился в качестве залежей, я могу просчитать предложение компаньонам.

– Вы чуть было не совершили непростительную ошибку, мистер Хьюз. Но мы спишем это на вашу известную склонность к авантюрам. Помня о Ваших заслугах перед Адмиралтейством, мы подставим Вам плечо в этом вопросе. У Вас будут акционеры, которые смогут достойно представить интересы Великобритании на этой Богом забытой земле. Лорд Клиффорд представит Вас эсквайру Брасси младшему, влиятельному члену Парламента. Остальное – дело техники. Считайте, что список акционеров уже согласован. Вас с ним знакомят.

Такой разворот событий был подобен внезапно налетевшему шторму.

Слева от Хьюза стоял лорд Клиффорд. Многозначительная улыбка этого ушлого авантюриста, известного своими подвигами не только на любовном фронте, но и на ниве шпионажа, свидетельствовала, что Адмиралтейство было в курсе каждого шага валлийского инженера. Им были неведомы лишь точные результаты его поездки и вот теперь они их выяснили из первоисточника.

Довольный своей проворностью, Филипп Клиффорд в душе испытывал чувство, подобное ликованию. Пришедший десять дней назад в кабинет военно-морского министра, сэр Чайлдерс, с подачи заклятых врагов лорда в Адмиралтействе, уж было усомнился в деловых качествах и полезности Клиффорда. Почуввав опасность, лорд Клиффорд сам запросил аудиенцию, где взял на себя некие обязательства – в течение двух дней предоставить министру предложения по противодействию планам русских по возрождению военного флота в Чёрном море.

---

¹⁵ 1 морская миля = 1,8 км.

И вот настал момент триумфа для Клиффорда. Слово своё он сдержал. Первый шаг сделан – Хьюз, сам о том не догадываясь, органично вписался в его план, одобренный самим военно-морским министром.

– И ещё одно, мистер Хьюз, – сэр Чайлдес прервал поток мысли задумавшегося инженера. – На Вас мы делаем большую ставку. На Ваши организаторские способности и коммерческую хватку. За Вами – согласование русской части акционеров. Если наш список пройдёт – то соглашайтесь с любыми их кандидатурами в рамках расписанных долей акций. Для нас это не существенно, а русские, наверняка, привлекут не самых последних людей. Скорее всего, это будут влиятельные в Петербурге фигуры. Тем лучше для нас. Лорд Клиффорд продолжит все контакты с Вами по данной теме. Если у Вас больше нет вопросов, то не задерживаю...

Мистер Джон Хьюз справедливо рассудил, что прежде, чем задавать вопросы, следует всё хорошенько обдумать, сформулировать и взвесить, тем более, что фактически, благодаря своему старому знакомому – лорду Клиффорду, он имел теперь возможность это делать.

– Моё почтение, сэр Чайлдес... – дежурный поклон завершил приём, который, в общем-то, для него завершился наилучшим образом – теперь не нужно было тратить время на бессмысленные светские рауты и бесконечные аудиенции в поисках влиятельных инвесторов. Удача сама зашла в его гавань. Теперь следовало хорошенько подумать о размере уставного капитала и его собственной доле.

– Что же, мой друг... Вы позволите Вас так называть, лорд? – Чайлдес направился к своему столу и пригласил Клиффорда расположиться в громадном кожаном кресле напротив.

– Почту за честь, сэр Чайлдес... – лорд принял в кресле несколько вальяжную позу, свойственную победителю, вознесенному на гребень славы.

– Премьер-министр Гладстон, несмотря на короткий срок пребывания на Downing Street, проникся нашей идеей.

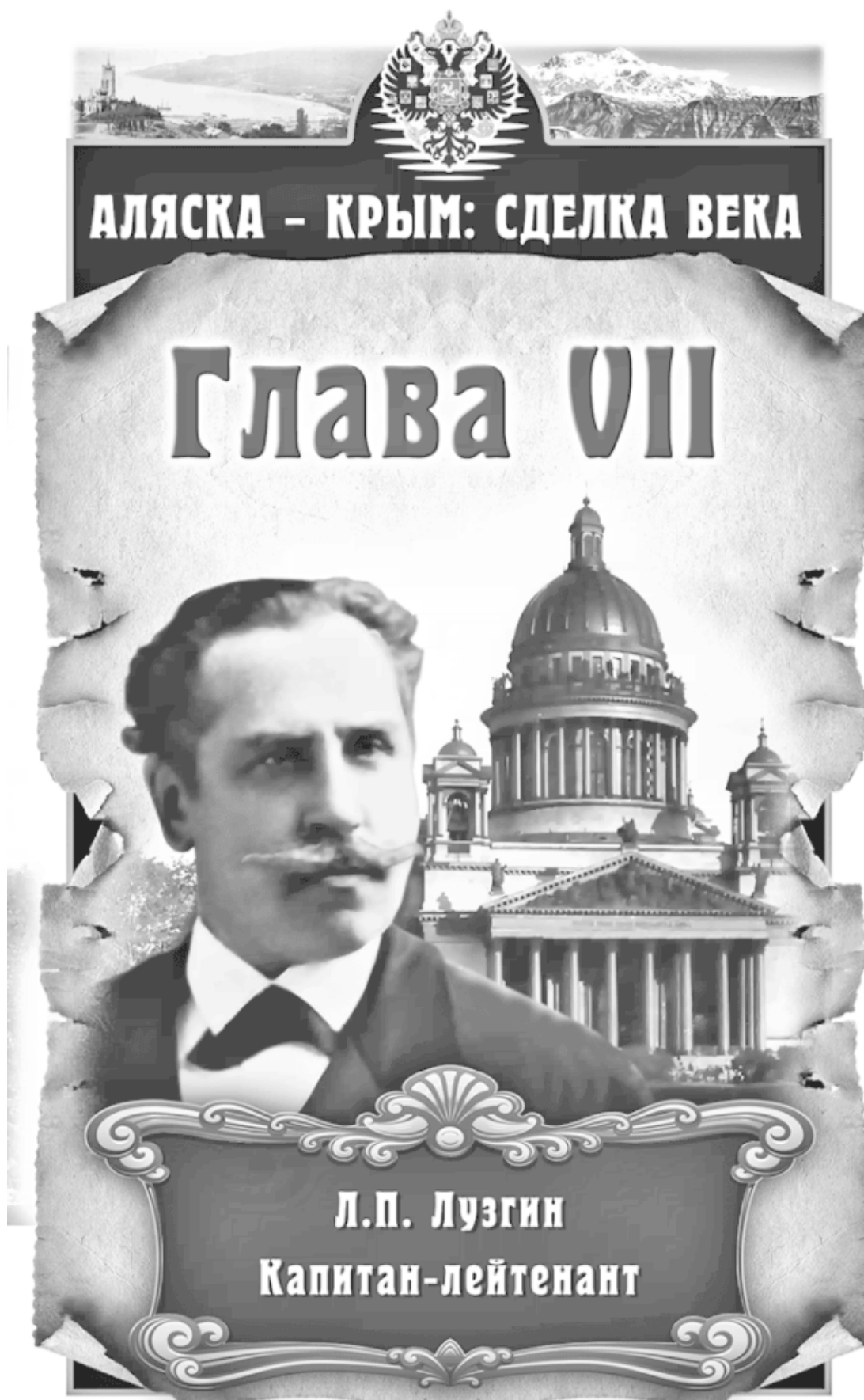
Акцент на слове «нашей» заставил лорда несколько собраться и принять в кресле положение, более соответствующее посетителю, приглашённому на аудиенцию к военно-морскому министру. Сэр Чайлдес, как опытный политик, заметил внезапную метаморфозу во внешнем облике лорда и, удовлетворённый своим талантом ставить людей на место одной фразой, продолжил:

– Глава Кабинета разделяет мою тревогу по поводу возможной активизации России в Чёрном море, но он пошёл еще дальше. Вступая в концессию, контролируемую Хьюзом и нашими акционерами, Корона не только упреждает все возможные поползновения в этом направлении французов и бельгийцев. Данные, которыми располагает Премьер, позволяют утверждать со стопроцентной уверенностью, что русские ближайшее время пойдут на всё, чтобы обеспечить к себе приток капитала. Эпоха их купечества подошла к концу, Императору Александру нужны железные дороги. А это громадные деньги. Имея долю в металлургическом производстве, мы будем не только в курсе их основных планов, но и сможем опосредованно влиять на их реализацию. Вы меня понимаете, лорд Клиффорд?

– Прекрасно понимаю, сэр! Акционеры? Потенциальные убытки?

– О, об этом не беспокойтесь. Они в накладе не останутся. Для многих из них наше предложение оказалось подарком. В Вашей компетенции – обеспечить возможность такого влияния.

Глава VII

10 октября 1869 г. Санкт-Петербург.

Фыркая и сердито качая головой, конь подчинился вознице, натянувшему поводья и экипаж, прибывший со стороны Фонтанки, остановился на Набережной обводного канала на некотором расстоянии от входа в Варшавский вокзал.

Щегольского вида мужчина, на вид – лет тридцати, тридцати пяти, одетый по последней европейской моде, оставил извозчику монету и тот, довольный достойной оплатой от состоятельного пассажира, подкинул её и негромко присвистнул, поднимая в знак благодарности потёртую, видавшую виды шапку.

– Оставь себе сдачу, милейший! – сказал пассажир вознице, после чего франт переложил жёлтый саквояж в свободную руку, поправив такую же жёлтую кожаную перчатку. Неспешным шагом он отправился в здание вокзала, обминая также медленно движущихся барышень в пышных платьях, озабоченных только тем, чтобы пронести в вокзальной сутолоке купола своих платьев неповрежденным мимо снующих с тележками носильщиков, самовольных купцов, их пышнотелых жён и разного другого люда, прибывшего сюда к отправлению поезда на Варшаву.

Зайдя в здание вокзала, путешественник поёжился – здесь хоть не настигал пронизывающий осенний ветер, превращающий любой, даже самый мелкий дождь, в орудие пыток.

Двумя пальцами извлекая из кармана жилетки часы на цепочке, путешественник огляделся вокруг и поспешил проследовать мимо касс и зала ожидания на перрон. Часы показывали без четверти три пополудни и до отправления поезда № 5 «Санкт-Петербург – Варшава» оставалось еще немногим менее часа. Состав еще не подали, потому мужчина с саквояжем решил скоротать время в салоне первого и второго классов, вывеску которого он заметил справа, сразу за буфетом.

– Желаете в дорогу альманах? – обратил на себя внимание лоточник с заискивающим взглядом, расположившийся при входе в салон. На его лотке невысокими пачками были разложены периодические издания, в том числе – и не первой свежести. – Чем господин интересуется? Сатира, карикатуры, есть свежий «Будильник».

Не получив ответа, торговец принялся еще оживлённей перечислять содержание стопок:

– «Библиограф» рекомендую – самые свежие рецензии на литературные творения, может быть, «Богословский вестник», если о душевном покое помышляете... Или вот, «Военно-медицинский журнал» – Вы очень похожи на доктора, образование Ваше, прямо в глазах светится! – лоточник явно предлагал залежалый товар и суетился, пытаясь поймать настроение редкого покупателя.

Серебряный шарик, размером с очень крупный грецкий орех, расположенный на вершине трости мужчины, лег на журнал «Вестник Европы», а затем указал на альманах «Вокруг света».

– Сей момент, – ловким движением продавец зацепил оба экземпляра и в обмен на пару медных монет передал покупателю. – Мерси, господин хороший, – газетчик на вокзале, с которого отправляются поезда в Европу, блеснул манерами, кивнув в знак благодарности, после чего путешественник с тростью и саквояжем расположился на одном из ближайших диванов.

Ожидание путешествия, предчувствие перемен, новых впечатлений и знакомств приводит любого человека в приподнятое настроение, если только предстоящая дорога не связана с исполнением каких-либо обременительных обязанностей.

Похоже, что из всех присутствующих в салоне для пассажиров первого и второго классов ни один не имел целью своего путешествия таковые.

Вокруг какого-то чиновника (именно так наш наблюдательный герой определил для себя его типаж) и его супруги постоянно сновали двое близнецов лет не более десяти. Такие непроницаемые лица бывают только у чиновников, но у этого строгий взгляд временами сменялся

умилением от детей и воркования супруги. Если бы они ехали к месту новой службы главы семейства, то, скорее всего, лицо его спутницы выражало бы некую озабоченность – женщине с детьми чего не обещай, пока она сама не убедится, что новое семейное гнездо её устроит – не расслабится, и улыбке не будет места на её лице. Кроме того, наш путешественник внимательно осмотрел и его костюм, и качественные туфли, которые люди этого сословия подбирают себе в точно известных местах. Гардероб его супруги, как и внешний вид парадно одетых детей свидетельствовали о достатке в семье, которым было не принято кичиться – всё достаточно дорогое и качественное, но совершенно не безвкусное и броское, а скорее – изысканное.

Усатый, с аккуратными и ухоженными бакенбардами полковник явно собирался в отпуск. В его громадных руках, привыкших к полевому биноклю и сабле, как-то неестественно смотрелась большая багажная квитанция на заблаговременно сданный кофр в количестве одной единицы, а фуражку свою он небрежно, словно юнкер, возложил на колено ноги, закинутой на другую. Этот человек явно сбросил с себя груз забот и собирался ехать на воды – мешки под его глазами на заметно отёчном лице имели вид нездоровый и могли дать почву для предположения, что поездка эта для полковника – событие долгожданное. В свой новый полк с таким лицом не ездят. Да и багажа должно было бы быть поболее, чем одно место.

Два излучавших счастье студента, сидевшие неподалёку, негромко обменивались мнениями о том, что теперь им будет гораздо проще читать Герцена и его «Колокол», который сейчас издаётся на французском, из чего человек с тростью сделал вывод, что юноши держат путь не иначе, как в Швейцарию, как и он сам. Герцен редактировал свой журнал именно там, после многочисленных вежливых, но настойчивых просьб Великобритании, указавшей ему на дверь, вернее – на ближайший пароход. Невдомёк было озабоченным вольнодумием юношам, что это издание ко времени их триумфального путешествия за свободой ума прекратило своё существование. Раньше наш герой открыл бы им глаза, может даже, блеснул бы знанием вопроса, и позволил бы себе подискутировать, но не сейчас.

Только путник с тростью принялся разбираться в типаже барышни в фиолетовом платье, меховой накидке и кокетливой шляпке, как под сводом вокзала послышался свисток паровоза. Дежурный по станции, открыв дверь, торжественно объявил, что поезд подан и пассажиров просят занять места согласно приобретенных билетов, обратив внимание отъезжающих, что вагоны первого класса синего цвета, а второго класса – красные.

В попутчики обладателю жёлтого саквояжа достался священнослужитель, взявший с собой в вагон туго перевязанную стопку книг, та самая семья чиновника с близнецами, барышня в фиолетовом платье и еще несколько неприметных персонажей.

До отправления поезда оставались считанные минуты, и мужчина вышел на посадочную площадку вагона, чтобы успеть выкурить папиросу. Двумя свистками машинист оповестил всех, кто находился в составе и на перроне об отправлении. Некоторые из провожающих прослезились, помахивая платками в сторону вагонных окон. Кондуктор повесил цепочку на перила площадки и поезд плавно сдвинулся с места. Только это произошло, с перрона слышались крики «Стоп! Стоп!» и внизу показался бегущий за вагоном молодой человек с маленьким саквояжем.

Кондуктор вопросительно на него уставился в тот момент, когда опоздавший что-то быстро кричал на чужеземном языке. Единственное, что понял служащий дороги – это именно слово «стоп», но остановить отправление поезда он был не в силах. Да и не понятно было, чего хочет иностранец – может просто с любимой не успел попрощаться, вон, какая фифа едет в его вагоне.

Быстро разобравшись, что кондуктор ничего не понимает, а сочувствие и интуиция – не его конёк, куривший на площадке пассажир грубым движением отодвинул его в сторону, снял цепочку и протянул руку опаздывающему пассажиру, у которого уже не хватало духу гнаться за

набирающим ход вагоном. Одно мгновение – и прыткий, но не пунктуальный пассажир первого класса, оттолкнувшись от перрона, оказался сначала на ступени, а затем – на площадке вагона.

– Эх, господа! Что ж вы творите! – громко кричал кондуктор, оттиснутый к двери. – Меня же выгонят! Выгонят со службы без содержания!

Совершенно невежливо оттолкнув плечом пассажиров первого класса, устроивших при отправлении такой эффектный гимнастический этюд, кондуктор спешно повесил цепочку на место, будто её положение, соответствующее инструкции, было сейчас залогом его дальнейшей работы на железной дороге.

– О! Вы спасли меня! – громко воскликнул по-английски молодой человек в клетчатой жилетке и уже без головного убора, который остался на перроне.

– Не преувеличивайте, я сделал первое, что пришло мне в голову, – тоже на английском ответил его спаситель.

Кондуктор продолжал стоять на площадке, ни слова не понимая, о чём говорят его пассажиры, и озабоченно размышляя, как им объяснить без дерзостей, что уже следует проследовать в вагон. Первый класс всё-таки, да и господа – иностранцы. Служащий обратил на себя внимание лёгким прикосновением руки к плечу одного из собеседников:

– Месье... Соизвольте... – красноречивым жестом кондуктор открыл дверь и пригласил пассажиров проследовать внутрь.

– Чертовски приятно встретить земляка, надеюсь, Вы с островов?! Генри Томсон! – представился опоздавший.

– К Вашим услугам. Джеймс Кларк, – протянул руку новому знакомому его спаситель.

– Месье... Вагон застудите! Да что ж за напасть такая... – продолжал причитать проводник.

Направившись вдоль прохода, расположенного по центру, вглубь вагона, новые знакомые, уклоняясь от носящихся со скоростью породистых скакунов близнецов, выяснили, что к тому же, у них и места рядом.

– Чувствую, выспаться нам не удастся, – кивнул в сторону детей Генри Томсон, расплывшись в улыбке.

– Можно? – Завидев подол знакомого фиолетового платья, Джеймс Кларк для приличия постучал по перегородке.

– Войдите, – прозвучало в ответ по-французски.

– Мадемуазель француженка? – восхищенно промолвил Кларк.

Несколько смутившись, барышня ответила:

– Нет, вы ошиблись. Я родилась и выросла в Санкт-Петербурге. Просто правила приличия...

– Не утруждайте себя правилами приличия! – на ломаном русском почти прокричал Томсон. – Этот французский... Терпеть его не могу. Насколько русский говор сложен, настолько он мне приятен. Вам, Кларк, надеюсь, тоже?

– Соглашусь. Если мы находимся на гостеприимной земле России, то давайте говорить на этом языке. Разрешите представиться, Джеймс Кларк.

– Генри Томсон, корреспондент «Морнинг пост». Хотя моё имя имеет французские корни, как Вы понимаете, я англичанин. Кстати, Джеймс, вы так и не оправдали моих надежд! Вы англичанин? Я догадываюсь только по отсутствию этого бешеного американского акцента, да и встретить янки¹⁶ в этих краях, вот так, в поезде, было бы весьма неожиданно.

– Я из Лондона. А Вам, Томсон, все потеря американских колоний покоя не даёт? – усмехнулся Кларк, подбирая с дивана свою небрежно брошенную трость с серебряным шаром. –

---

¹⁶ Унизительное прозвище восставших американских колонистов, используемое в английских войсках во время войны за независимость в Северной Америке 1775-1783 г.г.

Впрочем, для подданных королевы Виктории мы себя ведем не слишком учтиво, не дав возможности леди представиться. Не так ли?

Согласившись, Генри Томсон рассмеялся и принял стойку «смирно», как заправский вояка, демонстрируя новой знакомой свою готовность услужить:

– С кем же судьба свела нас, уже сделав путешествие в Варшаву незабываемым?

Барышня, поборов смятение от такого напора, к которому она не привыкла, воспитываясь в стенах родного дома, взяв двумя пальцами краешек платья, представилась:

– Татьяна Борисовна Данзас. К вашим услугам.

Томсон щёлкнул каблуками и уселся на положенное ему место, поставив рядом с собой саквояж. Его новоиспечённый товарищ, все же, остался стоять, задумавшись о чём-то своём, и потом промолвил:

– Прошу меня простить трижды, как минимум... Это Ваш батюшка был секундантом на дуэли Пушкина?

Неловко улыбнувшись, юная девушка ответила:

– Мне этот вопрос задают почти каждый раз, когда узнают мою фамилию... Нет, секундантом был мой дядюшка, Константин Карлович, он в чине генерал-майора, а папá мой скончался год назад... Его звали Борис Карлович, он служил обер-прокурором.

– О... Простите меня, я имел неосторожность затронуть трагические события вашей судьбы, это непростительно... – принялся оправдываться Кларк.

– Что вы, что вы, не волнуйтесь. Боль уже уходит. Тем более, что я самая младшая в семье, и всё внимание отца всегда и так доставалось мне...

В силу ограниченности пространства и отсутствия дверей, салон вагона напоминал светский раут, за исключением носившихся по проходу детей. Немногочисленные пассажиры первого класса быстро познакомились, после того, как кондуктор предложил чай. Как и предполагал Джеймс Кларк, отец сорванцов, не смотря на его свирепые взгляды, не дававших покоя никому вокруг, оказался действительным статским советником в отпуске по фамилии Обухов. На обращение в соответствии с правилами этикета «Ваше превосходительство» господин Обухов поморщился и ответил Томсону:

– Оставьте эти ваши условности. Я мог и не говорить, а петлиц у меня нет, так что, я в отпуске, и в путешествии можно и без этого.

– Какие же петлицы на вашем мундире? – нескромно поинтересовался корреспондент.

– Министерства путей сообщения.

Кондуктор, разносивший из буфета выпечку к чаю, чуть не поперхнулся, схватившись за перегородку:

– Нижайше извиняюсь, – покачнувшись с подносом в одной руке, проводник наступил на ногу «Его превосходительству» и, не дожидаясь ответа и проклиная судьбу, от греха подальше отправился в дальний конец вагона.

К вечеру атмосфера в вагоне уже напоминала домашнюю, выбивался из неё только святой отец, погрузившийся в чтение теологической книги.

Томсон всё вился вокруг действительного статского советника, выпытывая всякие подробности устройства железных дорог в России, но того постоянно отвлекали дети и разговор не клеился, в отличие от беседы его супруги и милой попутчицы англичан, Татьяны Данзас. Так прошёл целый день пути.

– Джеймс, всё же чувствую, что бесконечно обязан вам. Предлагаю проследовать в вагон-ресторан, где с меня угощение.

– Думаете, откажусь? Нет уж. В обществе столичной русской элиты чувствую себя неловко. Мне не о чем с ними говорить. Пойдёмте, Генри! Отдадимся в руки Бахуса! Но я не настолько поизносился и за себя заплачу.

– Ну, хотя бы выпивкой могу угостить? – Томсон не унимался.

Новинка железных дорог – вагон-ресторан, имел внутри вид весьма презентабельный, если не сказать – шикарный. Стены и потолок были отделаны тяжелыми бежевыми обоями в вертикальную полоску, столы накрыты белоснежными накрахмаленными скатертями, мягкие стулья обиты малиновым трипом¹⁷, как и диваны в первом классе, окна драпированы подвязанными по бокам широкими лентами шторами и ламбрекенами, пол покрыт ковром с высоким ворсом, заглушающим не только звук шагов, но и стук колёсных пар.

– Ого! Я здесь готов провести весь остаток пути до Варшавы! – резюмировал своё первое впечатление Томсон, оглядываясь вокруг.

– Извольте отобедать? – в проходе между столами салона для курящих появился официант в отутюженном белом переднике с таким же безупречным полотенцем на левой руке.

Одновременно кивнув в ответ, англичане проследовали к крайнему столику, что располагался возле буфета с хрусталём и шкафа с книгами.

Через десять минут человек принёс запотевший графинчик водки и холодные закуски.

– Извольте... – официант налил холодную жидкость в рюмки на высоких ножках и отвесил поклон. – Горячее как скоро подавать?

– Не торопитесь, милейший... Времени у нас предостаточно, в вагоне тоскливо, дорога длинная. Посматривайте, – поручил официанту Джеймс Кларк, заправляя за воротник специально для этого поданную салфетку.

– Как будет угодно, господа... В таком же подобострастном поклоне, пятясь задом, человек удалился на свой пост при входе, чтобы не пропустить следующих гостей.

– Положено коснуться бокалами так, чтобы несколько капель напитка, всколыхнувшись, перелились в бокал человека, с которым ты пьёшь. Это значит, что питьё не отравлено. И русские желают при этом здоровья, вы знали об этом, Джеймс? – держа рюмку за ножку, спросил журналист.

– Наслышан. Ваше здоровье! – Кларк тоже поднял рюмку и ритуал питья начался согласно русского обычая.

Наколов вилкой кусочек прекрасной балтийской сельди, корреспондент картинно поморщил лицо, но закусил всё же с удовольствием:

– Я так скучаю за хорошим виски. С трудом переносу эту их водку и всё, чем требуется её заедать. Ну, ничего, еще неделя-другая, и я дома. Там уж ни в чём себе не буду отказывать.

– Счастливцев. Мне еще долго по Европе каблуки сбивать.

– Я так и не знаю вашего рода деятельности? Какими ветрами вас занесло в Россию? – не отвлекаясь от замечательного жульена, продолжил беседу Томсон.

– Нечто приближённое к коммивояжеру. Контакты налаживаю. Еще не решил для себя, где можно тут заработать. За то вас, Генри, видно издалека... Настоящий репортер. Ушлый и хваткий.

Официант, обратив внимание на пустые рюмки гостей, тут же их опять наполнил, профессиональным движением не дав капле, повисшей на горлышке графина упасть на девственно чистую скатерть.

После очередного тоста, после того, как путешественники утолили голод, Томсон достал из кармана портсигар и предложил своему новому знакомому закурить.

– У меня свои, спасибо... – чиркнул спичкой Джеймс Кларк, дав прикурить собеседнику.

Приняв расслабленную позу, Томсон опёрся на спинку дивана и наслаждался хорошим табаком, глядя в окно. Состав замедлил ход, и в свете вокзальных масляных фонарей прямо напротив вагона-ресторана появилась вывеска станции – «Бълая».

– Смотрите, Генри. Наша пресловутая пунктуальность, оказывается, не является исключительной, – Джеймс Кларк обратил внимание собеседника на название станции. – По распи-

---

¹⁷ Шерстяной бархат.

санию, мы должны прибыть сюда в 9:40 вечера. Полюбуйтесь, – часы на цепочке показывали ровно обозначенное в расписании время.

– Это Вы, Джеймс, говорите человеку, которого втянули почти за шиворот на подножку уходящего поезда?! – корреспондент громко рассмеялся, да так, что сидевшие за соседним столом пассажиры вынуждены были одновременно окатить его презрительным взглядом.

Заметив это, журналист негромко продолжил:

– Вот за эту чванливость и не люблю русских. Такое впечатление, что цель их жизни – соответствовать костюму. Даже не могу себе представить ситуацию, при которой они искренне смеются.

– Это вы зря, Кларк. Русские достаточно искренни. Порой даже, эта искренность перестаёт быть трогательной и становится навязчивой.

Кларк налил остатки водки по рюмкам, опередив официанта, и поднял одной рукой графин вверх, чтобы тот заменил его на полный.

– Не торопитесь, Томсон? Ещё горячее не подали, а вы уже навеселе.

– Да, навеселе! Есть повод! Самый непунктуальный англичанин таки впрыгнул в уходящий вагон и его репутация спасена. Благодаря вам, Джеймс. Дайте свой лондонский адрес, я пришлю вам лучшего эля! – голос журналиста опять стал неприлично громким – недаром водке он предпочитал виски. Любимый спиртной напиток русских делал его гиперболитическим и неудержимо жизнерадостным.

– При расставании, непременно... – несколько задумавшись, ответил ему Джеймс. – А что там с вашей репутацией, мой друг?

– Ооо! Вы не представляете, что сделали для меня. Это поезд везёт не корреспондента – он везёт данные особой важности для Адмиралтейства, – почти шепотом заговорщицким тоном прошипел журналист. – Когда меня представят Её Величеству в связи с наградой, я непременно упомяну вас, мой друг.

– Ммм... Боюсь, мой вклад в это дело слишком скромен. На что рассчитываете? Орден святого Георгия и Михаила? Или сразу на Орден подвязки замахнётесь? – с ухмылкой спросил Джеймс Кларк.

– Вот зря вы так, мой друг. Какой награды, по-вашему, достойна информация о планах укрепления форта Константин в Кронштадте? – голос корреспондента стал опять тихим и загадочным.

– Это зависит от их правдоподобности и глубины. Поверхностные сведения никому не интересны. Вся Европа знает, что после Крымской войны русские занялись и своим флотом, и своими береговыми укреплениями.

– Коммивояжер, говорите, Джеймс? – ухмыльнулся Томсон. – Гражданским, чтобы подобрать слово «береговые укрепления», нужно время. А вы выпалили его, не задумываясь. Раскрывайте, Кларк, свои карты, какого рода ваша коммерция?

Выдержав паузу, для того, чтобы насладиться вкусом запеченного перепела, Джеймс протёр салфеткой уголок рта и ответил:

– От вас ничего не скрыть, мой друг. Да, я знаком с фортификацией и пребывал в Петербурге в поиске контактов со здешним морским ведомством. Подряды ищу.

– И как, безуспешно?

– Пока да. Надежд не оставляю.

– У них всегда так. Долго запрягают, но быстро едут. А что касается ордена – ну, не знаю. О титуле даже не думаю. Этот Клиффорд такой скряга, будто со своим всегда расстаётся.

– Кто это? – вытерев руки салфеткой, Джеймс испил из высокого стакана квас и сразу же опять долил себе из кувшина прохладного напитка.

– Ооо, мой друг... давайте выпьем.

Кларк не стал отговаривать своего собеседника, только в отличие от него едва выпил треть рюмки.

– Клиффорд – это серый кардинал. Его нигде нет, но он вездесущ. Спросите, где он служит – и я вам точно не отвечу, Джеймс. Вхож в Адмиралтейство. Причём, не только вхож. Но и уважаем. Даёт распоряжения, приказы.

– Вы журналист, говорите, Генри? – уколол его Кларк. – Раскрывайте карты, какого рода ваша журналистика!

За окном плавно покачивающегося вагона была крошечная тьма. О том, что поезд движется, напоминал только перестук колёс на стыках, да резкое качание состава на стрелках. Несильно ударившись о декоративную перегородку, разделяющую диваны, Генри взялся за голову:

– Да, это не Саутгемптонская линия, точно... Один один, ничья, Джеймс.

Теперь для силы голоса крепко выпившего лондонского корреспондента не было никаких помех – дело шло за полночь, салон ресторана опустел, поужинавшие пассажиры отправились опочивать, и лишь одинокий и уставший официант сидел в дальнем углу, изредка поглядывая в сторону задержавшихся гостей.

– Еще водки, официант! – неловко махнул ему Генри и в ответ ему прозвучало неизменное «Сей момент».

– Я всё-таки репортер. Это моё призвание. А лорд Клиффорд – это моя удача. Кстати, Джеймс, могу представить вас ему. Знаете, по крайней мере, ваши поездки в поисках подряда от морского ведомства могут быть щедро оплачены. Фунты лишними не бывают. Не обижайтесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.